МАКСИМ ВОЛЖСКИЙ

ФИЛЬТР ИЗ БЛИЗНЕЦОВ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Максим Волжский

Фильтр из близнецов

«Автор»
2026

Волжский М.

Фильтр из близнецов / М. Волжский — «Автор», 2026

Оказалось, что существует параллельная реальность. В Великой Отечественной победили немцы. И мало что осталось от нас...Вместо русских Иванов сплошные Иоганны. Вместо златоглавой — спальные районы немецкого Адольфштадта. Вместо бескрайней страны — резервация где-то под бывшей Пермью, которую называют Парма-Рус.

© Волжский М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 23
Глава 5 30
Глава 6 36
Глава 7 42
Глава 8 49
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Максим Волжский
Фильтр из близнецов

Глава 1

Полдень. Москва.

Метро задыхалось от давки и толчеи. Людей было так много, что парня буквально внесли в вагон.

А он и не сопротивлялся. Плыл по течению, и будь что будет.

Ему хотелось опереться на что-то устойчивое, закрыть глаза и уснуть. В нём совсем не осталось сил. Казалось, парень вот-вот рухнет. Но он устоял, потому что спасла толпа.

Справа и слева, спереди и сзади его поддерживали плечи попутчиков. Кто-то брезгливо подталкивал, иные были заняты собой, другие желали отшвырнуть худощавое тело, — и лишь мясистая лопатка неизвестного мужика помогла почувствовать облегчение.

Уткнувшись лбом в надпись «СМУ-24», парень немного расслабился. И никакой запах бензина и горелой листвы, излучаемый брезентовой курткой, не могли остановить приближение фатального конца.

Парень прятался за кряжистой спиной, хотя давно не ребёнок. В его возрасте пора самому принимать решения и не быть размазнёй. А он и принимал решения сам.

Утром оделся без чьей-либо помощи и сам дошёл до метро. А после попал в поток и щепкой поплыл по течению... И у кого повернётся язык сказать, что человек не сам себе хозяин? Да он просто вершитель своей судьбы!

Его поездка из центра занимала двадцать пять минут. Ухватившись за поручень, парень застолбил себе место и, понадеявшись на толпу, задремал.

— Станция «Строгино», — послышался голос диктора.

По совокупности неожиданной новости и толчков поредевших попутчиков он проснулся и понял, что проехал свою станцию.

Оторвав руку от поручня, парень рванул в открывшиеся двери, переступая через сумки куда-то ехавших бабушек.

Ещё шаг, второй, третий, и он выбежал на перрон.

Теперь нужно перейти на ту сторону и вернуться всего на одну станцию. Одна остановка назад, это быстро...

Но чёртово похмелье! Как же тяжело даются шаги, когда заплетаются ноги!

Он слышал, как грохотал колёсами поезд. Но чёртова голова! Да что голова, всё тело не подчинялось хозяину! Его несло на волне неизбежности, притягивая магнитом к тяжеловесной машине из семи бесконечных вагонов.

Он не хотел, но бежал... Видел, как белая разделительная полоса мелькнула под ним.

Парень переступил последний рубеж, выставил руки и безвольно рухнул на рельсы.

Послышался звучный гудок головного вагона. Он успел закрыть ладонями лицо, словно стало стыдно за неряшливый вид, — и всё, конец...

Остыли желания, прекратились страдания. Земная жизнь оборвалась расчленением туловища на рваные части... Кусок живота лежал отдельно. Ноги отдельно. По шпалам раскидали внутренности...

***

Машинист вышел из вагона. В ужасе покосился вниз на рельсы. Там кровоточило и ещё трепетало что-то ужасное и будто вовсе не человек. И если бы не обрывки одежды, шапка и кроссовок, то можно подумать, что поезд сбил... возможно, собаку...

А машинист не виноват. Сделал всё, что от него зависело. Он тормозил, подавал сигнал, даже молился за человека... Но самоубийцу всё равно не удалось спасти.

Жаль, что это была не собака.

Потом прибыла полиция и медики.

Тело убрали с рельс...

Пассажиры злощастного поезда медленно проходили мимо, смотрели на покрытый тканью труп, ощупывали локти и разминали ушибы, потому что при торможении им тоже досталось... Кто-то крестился. Некоторые качали головой. Иные сплёвывали на мраморный пол, потому что не любят у нас самоубийц.

— Идите сюда! Здесь ещё есть раненные! — заглянув в одну из дверей невезучего состава, крикнула женщина в форменной одежде.

Врачи и полицейские отреагировали на призыв и через минуту уже осматривали пострадавших. Двоим пассажирам особенно не повезло.

Широко открыв глаза, грузная женщина лет пятидесяти пяти смотрела куда-то в потолок. Из её раны на виске густо вытекала кровь. В посиневшей ладони мерцал огоньками телефон. Разноцветьем радуги мигали стрелочки, взрывались мячики, манила реклама столичных новостроек: всего в пяти минутах от метро и подземная парковка в полцены.

Женщина развлекалась, проходя очередной уровень в телефонной игрушке, но поезд предательски разрушил её мирок. Тяжёлое тело швырнуло в сторону. Она сама ударилась головой и всем своим весом смела маленького пассажира в очках.

Рядом с женщиной в неестественной позе лежал худенький мальчик лет десяти. Он так и не понял, что произошло.

Экстренное торможение закончилось смертельным столкновением различных весовых категорий... А ещё говорят, что человек живучей кошки. Полная ерунда и дело случая! По большому счёту всему поезду ничего, а женщина и щупленький пацан были мертвы.

— Упавший на рельс не суицидник. Он настоящий убийца... — еле слышно пробормотал машинист.

***

За полчаса до трагедии...

Иван Смирнов вцепился взглядом в худощавого парня и, как голодный вампир, пошёл по его следу.

На анализ совсем не осталось времени... Парень был среднего роста, на нём солнцезащитные очки, куртка, джинсы; под вязаной шапкой прячутся длинные волосы.

«Губы его натянуты в струны. Кулаки сжаты. Он наркоман. И он Обречённый! — понял Иван. — Если не вмешаюсь, то парень точно погибнет».

Таких людей Иван называл Обречёнными.

От Обречённых исходил неуловимый, но вполне устойчивый импульс, который можно назвать «сигналом о помощи». Но в данном случае громкий набат скорее напоминал «печать смерти». И нужно время, чтобы понять, какая опасность ему угрожает и стоит ли вмешиваться.

Иван улавливал сигнал, исходящий от Обречённого, где-то внизу живота и на кончиках пальцев, которые противно чесались. В такие моменты на душе скребли кошки и немного подташнивало. Можно было б пройти мимо, не замечая сигнала, но если проигнорировать, то становилось только хуже. Однажды Ивана мутило всю ночь, и он чуть сам на тот свет не отправился.

Всего дважды Иван встречал такой страшный импульс. В первый раз он пренебрёг тревожным сигналом, второй раз — пошёл за Обречённым и видел, как его сбила машина. Но тогда Обречённый выжил, а Иван получил кое-какой опыт.

И всё равно знаний не хватало, чтобы быстро распознать проблему. Но почему-то сегодня его воображение живо рисовало картину, которую осталось только расшифровать.

Они вместе спустились на перрон. Затем Иван смешался с толпой и ввалился в один вагон с Обречённым.

Старался держаться рядом. Наблюдал, как парень повис на поручне, и почему-то показалось, что сигнал о помощи не только отдавал коликами в животе, но и откровенно вонял дерьмом.

«Ну же, соберись! — уговаривал себя Ваня. — У тебя всё получится! И здесь почти ничем не пахнет. Это вагон с людьми, а не вагон для скота».

Он задержал дыхание.

Услышал биение своего сердца.

Втянул воздух ноздрями...

Тухлый запах исчез. Иван задышал спокойно, продолжая следить за парнем, — и даже увидел вполне чёткую картинку.

Вот Обречённый выходит на станции «Строгино». Он озирается. Потом бежит как безумец, чтобы свалиться под колёса встречного поезда.

Он падает. Его разрывает на куски. Тело разматывает по рельсам. И парень умирает... Всё, конец фильма!

Хотя нет, не конец... Ещё Иван увидел машиниста, у которого мир перевернётся с ног на голову. Но не только машиниста. Потому что в третьем вагоне погибнет грузная женщина и мальчик в очках.

Если Иван не вмешается, то умрут трое и сломается машинист. Жизнь его пойдёт под откос, как бешеный поезд. Машинист начнёт пить, лишится работы, превратится в бывшего машиниста и потеряет жену, которая, если они не расстанутся, через пару недель забеременеет... Чёрт возьми, Иван видел даже такую мелочь! Хотя какая это мелочь? Это зарождение новой жизни... Получается: погибнет Обречённый, женщина с телефоном, мальчик в очках, а несчастный машинист близок к безумию, и не родится ребёнок. Далее предвидеть жизнь людей, изменившуюся после падения тела на рельсы, не имеет смысла. Парня нужно спасать — как и грузную женщину, как и десятилетнего пацана.

Интересно, а куда едет Обречённый? Да какая разница!

Ваня сбивался с мысли. Сколько всего намешано вокруг — столько всего лишнего в голове.

Он думал о парне, видел картину будущего и боялся смотреть на попутчиков, чтобы не отвлекаться. Но как ни странно, в пассажирах вагона Ваня не замечал волнений или радости, будто у людей не было чувств и переживаний. Иван видел только одну цель. Только Обречённый интересовал его.

Ваня ругал себя и тут же оправдывал. Потому что родился план, как спасти всех этих людей.

Он пристроился за Обречённым. Достал из внутреннего кармана паспорт.

Ещё вылез какой-то мусор: визитка, чек из магазина и гарантия на обслуживание пылесоса. Бумажки Иван сразу спрятал обратно, оставив в руке только паспорт... Насчитав под корочкой три тысячных купюры, он незаметно сунул документ в задний карман джинсов тощего пассажира.

Парень ничего не заметил, потому что неприлично расслабился.

Дело сделано. Оставалось дождаться, когда поезд прибудет на нужную станцию.

Выигранные ожиданием несколько минут Ваня уделил себе, расставляя приоритеты мистического и служебного характера.

Увязавшись за парнем, он не поехал на важную встречу... Ну как важную? Дело касалось сезонного контракта на поставку машинных масел, тосола и прочего горюче-смазочного материала для фирмы своего друга, у которого работал Иван Смирнов. Но когда речь идёт о спасении человека, а скорее о его душе, разве разговоры про незамерзайку имеют смысл? Контракт подпишут в любом случае. Одному бизнесмену нужно продать, другому купить, чтобы продать. Договорятся. А вот парня ещё можно спасти.

Народ редел. Появились свободные места.

В центре вагона остались стоять только трое: сам Иван, мужик с надписью «СМУ-24» и Обречённый.

Ваня слегка, чтобы не уронить дремавшего парня, подтолкнул его в спину.

— Станция «Строгино», — сообщил голос диктора.

Молодой человек встрепенулся, часто заморгал и засеменил на выход.

Иван вышел следом.

Парень стоял на перроне, смотрел по сторонам, мучительно принимая решение, как жить далее.

Но Ваня остановил Обречённого и развеял его сомнения. Он цепко схватил парня за рукав куртки, повернулся в сторону полицейского и завопил во всё горло.

— Пожалуйста, помогите! Меня ограбили!

Полицейский обернулся.

Иван утвердительно закивал: «Да-да, это я кричал!»

Парень дёрнул рукав, пытаясь вырваться из Ваниного захвата, и попятился в сторону прибывающего состава. Он чувствовал: там его место! Ему нужно обязательно разогнаться, да так, чтобы головой об шпалы и чтобы кишку зубами прикусить!

Но Ваня тисками вцепился в парня и не отпускал.

Обречённый выкручивался, хрипел, матерился... Мимо проехал головной вагон, и промелькнуло сосредоточенное лицо машиниста, который сегодня не сойдёт с ума.

Поезд прибыл по расписанию. Двери открылись. Кто-то входил в вагоны, другие выходили.

— Тебе что от меня надо, урод? — простонал Обречённый.

А Ваня ещё крепче сжал пальцы.

К ним приблизился полицейский лет тридцати. Роста он был высокого, имел правильные черты лица.

— Лейтенант Лебедев! — представился офицер. — Что здесь происходит?

— Я вора поймал, — соврал Ваня. — Он документы у меня стащил. Обыщите его.

Полицейский внимательно осмотрел странную парочку.

Тому, который позвал, наверное, лет двадцать семь. Второй вроде помоложе. И он совсем плохой. «Наркоман, что ли?» — подумал лейтенант и согласился, что парень похож на преступный элемент.

— Э-э, что надо-то от меня? — возмущался Обречённый. — Хорош уже... Достали...

— Разберёмся, — сказал полицейский и спросил: — Что он украл?

— Мой паспорт в вагоне стащил, — ответил Иван. — В заднем кармане прячет. Я видел.

Полицейский хлопал по карманам Обречённого. Ваня провожал взглядом поезд, который мог стать роковым для целой группы людей.

В третьем и почти пустом вагоне заметил женщину, играющую в своём телефоне. Её широкое русское лицо улыбалось. Рядом с ней сидел десятилетний пацан, поправляя очки с плотно заклеенной левой рамкой оправы. Возрастная болезнь глаз не мешала ему читать шахматный журнал.

«Он лошадок любит. Чёрных и белых. Всё-таки шахматист!» — понял Иван, каким-то образом узнав, что читает мальчик.

Полицейский достал Ванин паспорт. В нём оказалось несколько купюр, заправленных за обложку. Но самое интересное лейтенант обнаружил в карманах куртки. Сюрпризом оказались пакетики.

Как только был изъят первый кулёчек с белым веществом, на запястьях Обречённого захлопнулись наручники.

— Ну что, пошли оформлять? — показав Ванин паспорт, сказал лейтенант и спрятал документ в свой карман.

Ваня рассматривал Обречённого, который совсем поник, не понимая, что ему, в общем-то, повезло... если бы не его заначка.

Полицейский что-то сообщил по рации. Рация ответила хрипом и кашлем, передавая нечеловеческие звуки.

— Послушай, лейтенант, — заговорил напрямую Иван. — Ты б вернул мой паспорт. У меня дел куча. Работа. Жена... А у парня неприятностей лет на сто. Так зачем меня впутывать в его проблемы? Отпусти ты меня. Не трать моё время.

Лейтенант задумался... Ничего особенного не случилось. С помощью Ивана Смирнова он поймал мелкого дилера. Дел-то на грош. Такого сброда в Москве хоть отбавляй. Одного сажают, а на его место тут же приходит другой отчаянный продавец беды на развес. Лови, не лови, а радоваться здесь нечему — только работа. Знал бы лейтенант, что отчаянный продавец ещё и обречённый на смерть, то хотя бы улыбнулся.

Мысленно взвесив количество порошка в пакетах, лейтенант принял безответственное решение — избавиться от лишнего свидетеля. То есть отпустить.

— На всякий случай щёлкну паспорт. Ты не возражаешь? — сказал полицейский и сделал несколько снимков первых страниц и прописки на свой телефон.

Затем лейтенант вернул документ Ивану и похвалил:

— Ловко ты его взял. С такой хваткой тебе самое место в органах.

Ваня кивнул.

— Да как-то не сложилось у меня. Но, может, ещё и послужу.

Лейтенант улыбнулся.

— Ладно. Будь здоров! — козырнул полицейский, прощаясь с бдительным гражданином; раскрытую ладонь он приложил к виску и как-то не по-нашему щёлкнул каблуками.

Лейтенант повёл Обречённого по длинному перрону, что-то снова передавая по рации.

«Странный какой-то мент. Неместный, что ли? Возможно, он с Питера или вообще прибалт...» — подумал Ваня, провожая взглядом полицейского.

Когда лейтенант и наркоман скрылись в толпе, Ваня представил, что ожидает задержанного парня. Он любил фантазировать и строить из себя аналитика.

Парень москвич — из хорошей семьи. Деньги у вечно занятого работой папы и постоянно блуждающей по магазинам мамы имеются — хоть отбавляй. Шальные бабки и развратили студента престижнейшего ВУЗа столицы.

Ещё недавно у Обречённого была дорогая машина, отчаянные друзья, шикарная квартира. Его окружали мутные пацанчики, лишённые застенчивости девочки, шумные вечеринки и сексуальные оргии. Вот эти оргии и испортили парня.

Но что теперь здесь поделать? Смотреть надо только вперёд. И желательно с оптимизмом... Сейчас уведут его под тонки рученьки, да посадят на скамеечку для подсудимых.

Закроют его обязательно. Но много не дадут. Если попался в первый раз — зачтётся.

Судья за папины деньги сжалится, и парень получит всего годик. Отсидит он половину срока и перестанет колоться... или что он там нюхает? В общем, выйдет он на свободу с крас-

ной, откормленной мордой, потому что папаша и мамаша не оставят своё чадо в беде. Родители взгреют всю зону, лишь бы их мальчик был сыт, одет — и очко в тепле.

Ох и обрадуется такому соседству братва!

«Любят, наверное, богатеньких москвичей зеки», — подумал Иван, забежал в вагон, который направлялся в сторону центра.

Глава 2

Силы человеческие не безграничны. Сколько ни выхватывай несчастных из смертельной ловушки, сколько ни спасай — герой всегда возвращается домой. Время подвигов сменяется уютом, и хочется обнять любимую, если она ещё не сбежала, пока ты спасаешь разных придурков.

У Ивана была своя двушка у метро «Сходненская» и была девушка, которую звали Лиза Мартенс. Вместе они проживали уже три года.

Ваня был коренным москвичом. Его спутница родилась в военном городке на Волге. Лиза окончила мединститут и, желая получить от жизни что-то больше, чем предначертано логопеду в саратовской ЦРБ, переехала в столицу.

Её мучения в съёмных квартирах закончились в кинотеатре «Балтика» встречей с Иваном Смирновым. Каждый получил что хотел. Ване нужна была женщина, Лизе — московское жильё.

С помощью шоколадных конфет и скромных цветов произошёл гормональный взрыв, приведший к постельному этапу влюблённой пары. Подогревая интерес пока ещё упругими женскими формами, любовь поглотила Ивана целиком. Он с наслаждением купался в водах, которые принято называть океаном счастья, а Лиза ни на миг не забывала, для чего она страстно обнимает доброго парня со Сходни.

Замуж Лизавета не спешила, он не торопился жениться. Но ни Лиза, ни Иван не жаловались на судьбу. Они просто жили вместе. Иногда счастливо. Чаще плыли по течению. Куда вынесет извилистая река судьбы, никто из них не знал, хотя Иван обладал одним удивительным талантом. Он умел не только находить на свою голову неприятности, но и видел людей, у которых жизнь висела на волоске.

Ещё в детстве его накрыло сказочным колпаком. Жил Ваня на грани реальности и невозможного. Видел поджидающую в засаде смерть и невообразимым образом умел прервать её замысел. Сегодня он спас наркомана в метро. Но мог и не спасать.

Лиза была девушкой невероятно практичной. Полное её имя — Елизавета Францевна Мартенс. А это значит, что в её груди билось немецкое сердце, в жилах текла тевтонская кровь, при ходьбе покачивались округлые арийские бёдра, а в голове работал прагматичный мозг, с дополнительно-утилитарной извилиной, присущей германскому народу.

Иван открыл дверь своим ключом.

— Лиза, ты дома?

— Привет, Вань... В это время я всегда дома, — ответила Лизавета, поцеловав его в щёку.

— Да запарился я, — поцеловал в ответ Ваня.

— Понятно. Снова замечтался...

Иван никогда не рассказывал Лизе, почему вечно опаздывает на важные встречи и рвётся спасать каждого встречного бедолагу. Он никогда не говорил о фантомах. Молчал о виде́ниях. Бесполезно даже заикаться о спасённых душах. Лиза жила в своём практичном мире. Иван Смирнов плыл по волнам более тонких сфер. Так зачем лишние слова? И Пусть Лиза считает его олухом с бесконечно путаными мыслями.

— Ты обещал зайти в магазин. Купил, что просила? — послышались требовательные нотки.

— Забыл, — зажмурился Ваня. — Я это… Я сейчас сбегаю.

— Не надо никуда бегать. Всё купила сама.

— Что бы я без тебя делал? — бормотал под нос Ваня.

Он отправился прямиком на кухню. Хотел похвалить её. Сказать, как ты отлично выглядишь, но не успел. Остановил телефон.

— Алло, — принял вызов Иван.

— Здорово, Вань! Ты куда пропал? — послышался голос на той стороне.

Звонил Андрей Дмитриев: друг детства и просто босс, на которого Иван работал, а за выполненный труд награждался деньгами.

— Привет, Андрей. Не вышло у меня, — начал выкручиваться Ваня. — Там долго рассказывать…

— Спокойнее, братик! И правильно, что не успел! И хорошо, что долго рассказывать! — прервал жёваные оправдания Андрей. — Ты не приехал и здорово напугал старика. Короче, клиент решил, что мы съезжаем... В общем, Леонид Абрамыч перезвонил и цены дал просто шикарные. Так что, Вань, я уже перестал удивляться, что твои прогулы приводят только к фантастическому результату!

Андрей рассмеялся.

Ваня тоже изобразил восторг.

— Ну я старался...

— Ты просто гений торговли! — продолжал хвалить босс.

— Вот и отлично! Значит, до завтра? — перестал смеяться Иван.

— Ага. Утром встретимся. Тебе нужно ещё в одно местечко сгонять. Даже боюсь сказать, куда и зачем.

— Ага... Я сгоняю, если надо... — притих Ваня и понял, что Андрей сбросил вызов.

Работа исполнилась сама собой. Машинные масла и незамерзайка скоро поступят во все Андрюшины магазины. А если знать, что попутно Иван спас несколько человек, то получается — день прошёл не зря, и можно отблагодарить судьбу, откупорив «Буратино», — и брызги не шампанского окропят выцветшую скатерть!

— Ты что пить собрался? — напряглась Лиза, заметив, что взгляд её парня стал счастливым.

— Да я «Буратино» махну!

— Всегда с лимонада начинаешь, а водкой заканчиваешь... У нас с тобой дел завались. А ты... — покачала головой девушка.

Лиза давала понять, что пора сделать, что-то полезное в этой квартире. Что точно она ещё не решила. Но это дело времени.

— Вань, думаешь, у нас всё хорошо? Нет, Ванечка, ты поспешил.

— А тебе налить?

— Сам пей эту химию! — отмахнулась Лиза.

Она встала напротив. Впилась в него взглядом.

— Вот ответь мне: ты успокоился? У нас дом полная чаша?

Старая песня — нельзя сдаваться, а нужно учиться и идти только вперёд.

Да кто бы спорил?

Только у Лизы Мартенс ориентиры свои, у Ивана Смирнова свои высоты.

За спасение совершенно незнакомых людей, судьба или вселенский разум, или даже силы добра — это кому как угодно, — вознаграждали Ивана позитивной энергией, которой он не осознано делился с окружающими. Например, его друг Андрей, совершенно не прилагая усилий, сегодня получил выгодный контракт. Как происходило волшебство, не знал никто. Но босс Ивана заметил некую закономерность, которую рационально объяснить невозможно.

Ещё совсем малышами они на стройке играли в «войнушку». Несколько раз Ваня останавливал Андрюху перед тем, как тот собирался совершить необдуманный поступок. Он предупреждал и других пацанят, но те слушались не всегда. Когда делали, как им хочется, получали шишки и синяки.

Андрей помнил, как однажды Ваня отговаривал ребят не идти по мостику, проложенному на уровне второго этажа. Доски казались вполне крепкими, но оказались хлипкими. И

трое мальчишек свалились на бетонный пол... Никто тогда не погиб, но сломанные кости друзей навсегда запечатлелись в памяти.

А что Лиза? Неужели она не чувствует, как Ваня подталкивает её вверх по карьерной лестнице?

Лиза работала в платной клинике, практикующей реабилитацию после инсульта. И Елизавета Мартенс ни выдающийся врач и ни светоч психологии, но в коллективе её уважали и доверяли самых богатых клиентов, которые невероятным образом быстро шли на поправку. Больные, которых лечила доктор Мартенс, имели кошельки размером с сундук арабских шейхов, потому её целительство оплачивалось неприлично щедро.

— Ну хватит бубнить, — отхлебнул лимонада Иван. — Давай лучше сходим куда-нибудь. Посидим... отдохнём…

— У тебя каждый день праздник. За что тебе только Андрюша деньги платит?

— Значит, есть за что.

Не желая ссориться, Ваня взял бутылку и свалил из кухни.

— От судьбы не уйдёшь, Смирнов! — вдогонку крикнула Лиза. — Это тебе только кажется, что всё хорошо. Живёшь в параллельной реальности, Ванюшка. Глазки-то открой. Мир совсем не такой, каким ты его рисуешь.

Иван развалился на диване, включил телевизор и задумался: а что если Лиза права?

Например, сегодня...

Что если парень совсем не собирался падать под поезд? А если нет, значит, Ваня не спас человека, а отправил в места не столь отдалённые. Выходит, что его видения, это игра больного воображения.

Ваня испугался. По спине пробежали мурашки размером с жука скарабея. Футболка вмиг намокла, словно попал под дождь.

Захотелось зажечь сигарету. Затянуться.

Но в комнате Ваня не курил; вернее, курил раньше, а сейчас только в туалете или на балконе, поскольку Лизе жутко не нравилось, когда пахнет табачным дымом. Потому обычный перекур всегда сопровождался суровыми взглядами Лизаветы.

Иван встал с дивана, скинул футболку, достал сигарету и заперся на толчке.

«Парень продавец наркоты, — прикуривая, думал он. — Нечего травить людей. Пусть сидит».

***

Наступила ночь.

Ваня лежал и разглядывал еле видимый в темноте потолок. Рядом спала Лиза.

После вечерних нравоучений и последующего примирения они посмотрели фильм о супергерое в обтягивающем трико. Фильм был отстойный. Сражения американо-космической силы со злом с русским акцентом, жуть как надоели. Но наши фильмы тоже не фонтан. Хотя есть и приличные...

Лиза уснула быстро, а Ваня уже второй час вздыхал и зевал. Мысли об Обречённом из метро не давали покоя... Ещё на кухне, как бешеный трактор, тарахтел холодильник.

— Замучил ты меня! — прошептал Иван и соскользнул с кровати, чтобы прикрыть дверь на кухню.

Встав на цыпочки, он будто сломленный голодом фанат похудения, проскочил на сакральную зону, где всегда можно подкрепиться бутером; не зря же он сюда припёрся.

Свет Иван не включал. Если Лиза его здесь застукает, то будет грызть до утра. И до холодильника он так и не добрался, потому что услышал шорох в одном из кухонных шкафов.

«Интересно, это барабашка или мыши?» — весело подумал Ваня и ощутил, как под ногой что-то хрустнуло.

— Твою мать! — сдерживаясь выругался Ваня, потому что порезал стопу.

Надо включить свет.

Оставалось добраться до стены напротив.

Но Ваня замер, потому что услышал детский голос.

— Помогите мне, дяденька… — плаксиво просил голос.

— А кто здесь? — испугался Ваня и стал шарить глазами по полу.

Лунный свет пробивался сквозь окна. Он увидел детские очки. Одна их половинка была заклеена пластырем, у второй — оправа пуста. Стекло разбилось на мелкие кусочки, и именно об острые осколки Иван порезали ногу. Но пугало иное... Из-за приоткрывшейся дверцы выглядывал напуганный мальчик, тот самый мальчик из поезда, который читал шахматный журнал в третьем вагоне. Пацан шмыгал носом, а по его щекам текли слёзы.

— Помоги. Мне нужна помощь… Мне страшно... — заклинал малыш.

Страшно было не только мальчику!

Иван ощущал на себе всю мрачную прелесть ночного кошмара. У него ослабли руки, перестали слушаться ноги и онемел язык, а позвоночник сквало несгибаемым стержнем, словно посадили на кол. Тихий и жалобный голос мальчика пугал до смерти, пронизывая страхом от макушки до окровавленной пятки.

Мысли путались. Его лёгкие наполнялись воздухом. И когда, казалось, что пол-Москвы услышит вопль дикого марала, Ваня захлопнул дверцу, убирая мальчишку с глаз долой.

Но мальчик не желал исчезать. Дверь открылась снова. Внутри как прежде прятался мальчик-шахматист.

— Почему ты оставил меня? Почему не помог? Найди меня, Иоганн... Помоги мне, Иоганн... — плакал пацан.

— Так это... я не Иоганн... — выдавил из себя Ваня. — Но я сейчас вытащу тебя.

Но неожиданно на кухне зажёгся свет.

Иван вздрогнул, будто его поймали на месте преступления.

Обернувшись, он увидел Лизу. Одной рукой девушка прикасалась к выключателю, другой — вертела пальцем у виска.

— Ты совсем рехнулся, Смирнов? — щурилась она. — Ты чего здесь делаешь?

Иван ничего не ответил, только шарил глазами по полу.

Очков не был. Стёкол тоже. Зато повсюду наляпано кровью. Его следы были везде. Отпечатков не было разве что на стенах и потолке.

Складывалось впечатление, что Иван не меньше часа, как сумасшедший бродил в темноте. Даже мухи летают вокруг фонаря по более предсказуемому маршруту, а он заблудился на собственной кухне.

— Я ногу порезал, — прикрыл дверцу шкафчика Ваня.

Тяжкий груз свалился с плеч, когда он не увидел мальчишку. Кошмар, душивший его, улетучился. Не было ни напуганного паренька, ни раздавленных очков, но остался осадок страха, застывший на лице.

— От тебя с ума сойти можно, Смирнов! — сокрушалась Лиза. — Сегодня ты меня реально напугал. Стоишь здесь... пол в крови... и ноешь... Ты нормальный вообще?

— Я не ною. Я ногу порезал, — хотел сбежать Ваня. — Мне б в ванную надо.

Он пропрыгал мимо Лизы и добрался до уборной.

Включив тёплую воду, Ваня смыл кровь. Но интересно, что не было на ноге пореза. Пятнами заляпан весь пол на кухне, а раны нет.

— Откуда у тебя кровь, Смирнов? — не могла успокоиться Лиза. — Или ты сок какой-то разлил?

— Наверное, сок разлил, — прятал глаза Иван. — Наверное, томатный...

Не было у него ответа. Чёрт знает, откуда взялась кровь. Мистика какая-то!

Ваня присел на стиральную машинку, развёл руки в стороны.

В этом жесте была и трагедия дневного спасения в метро, и незнание, откуда взялись пятна бурого цвета, — и невнятный ответ на другие справедливые вопросы. Лиза задавала вопросы, на которые у Ивана не было ответов.

Но простое решение есть у неё.

— Я ухожу от тебя, Смирнов. Мне всё надоело... Ты меня достал. Ты просто псих!

***

Прошло два дня.

Вот так запросто по первому желанию в Москве квартиру снять сложно. Потому Лиза продолжала делить квадратные метры с Иваном.

Возвращаясь с работы, она погружалась в соцсети, не замечая своего бывшего. А Ваня терпеливо ждал, как и чем разрешится конфликт.

Его больше заботило происшествие в метро, и конечно, ночной пацан. Кухонный кошмар стал для него вызовом — перчаткой, хлещущей по щекам. Будто, кто-то нарочно будил в нём скрытые таланты через страх и плач ребёнка... И на душе было тошно.

Но лучше лекарство от всех проблем, это работа. Последние два дня Ваня добросовестно выполнял все задания босса. С самого утра он мотался по городу, а вечером приезжал на станции «Строгино», присаживался на лавочку и чего-то ждал.

Его просто тянуло именно сюда, как влечёт грибника в осенний лес, а парашютиста несёт к земле. Он не знал, что делать со своими страхами, потому начать поиски с самого простого.

Почему-то не терпелось найти лейтенанта Лебедева и разузнать о судьбе Обречённого. Хотелось понять, есть ли связь между наркоманом и мальчиком из ночного кошмара.

Иван хотел встретить лейтенанта в зале, подойти к нему и поговорить. Но вместо лейтенанта ему трижды попадался целый капитан и его напарницы девчонки.

Ваня решился и заговорил с капитаном.

Подбирая слова, он спросил, как и где можно увидеть лейтенанта Лебедева?

Капитан не был конспирологом и оказался отзывчивым человеком. Он проверил паспорт Ивана Смирнова и сообщил, что на этом участке нет — ни Лебедева, ни Кукушкина, ни даже Альбатросова. И может быть, лейтенант служит в другом месте и совсем не в метро.

Попытка найти простое решение, оказалась провальной. И вообще, Иван выглядел глупо. Возможно, нет никакого Лебедева и не планировалось расчленение наркомана, — и плачущий мальчик в шкафу, только плод больного воображения. Может, нужно избавиться от навязчивых мыслей и просто жить? Надо помириться с Лизой и предложить ей руку и сердце, чтобы создать семейную ячейку, и вернуться к делам практичным, а не бродить по городу в поисках несуществующих фантомов.

Иван просидел на станции до поздна. Был уже первый час ночи. Поезда ходили всё реже и реже. Ещё полчаса и метро закроется. А Ваня сиротливо вздыхал посреди пустого зала и смотрел на только что прибывший состав.

Несколько человек вышли из поезда и быстро скрылись на эскалаторе.

Но вдруг Иван увидел на дальней стороне перрона полицейского, который держал за руку мальчишку в очках. Затем произошло что-то невероятное. Они спрыгнули на рельсы и скрылись в тёмном туннеле.

Ване показалось, что это был тот самый лейтенант Лебедев и тот самый мальчик-шахматист.

— Как такое можно? — изумился Иван и осмотрелся. — Здесь же везде камеры...

Но иначе он поступить не мог и тоже спрыгнул на рельсы.

— Что я творю? — усмехнулся Ваня и пошёл следом.

Аккуратно, чтобы не спотыкаться, он пробирался вдоль пыльных проводов. Свет в туннеле был слаб, но достаточен, чтобы видеть препятствия под ногами. Было забавно. И даже жутко интересно. Ваня чувствовал себя охотником. Это, конечно, не сафари в Африке, потому

что тот, за кем он крался, неведомей и опаснее самого хищного зверя... Ну а как по-другому? Разве нормальные люди бродят в туннелях метрополитена?

Послышал шум. Приближался последний состав, который должен был отвести Ивана домой.

Заметив выступ, а далее дверь, ведущую в одну из комнат подземки, Ваня нырнул в проём.

Так близко он никогда не наблюдал сверкающий огнями состав. Несколько секунд поезд грохотал, скрипел и пугал. Затем пролетел последний вагон, и стало тихо.

Иван спустился на бетонные шпалы и продолжил движение в лабиринте туннеля. Он шёл и прислушивался.

Прошла минута, и тенью мелькнул силуэт лейтенанта.

Ваня свернул в мрачный проём, уходящий веткой прочь от железнодорожных путей...

Прошло ещё пару минут и Ваня стал свидетелем странной картины.

Полицейский и пацан оказались в просторном и освещённом помещении.

Иван спрятался за металлической балкой и присмотрелся. Это был действительно лейтенант Лебедев и пацан-шахматист. Полицейский по-отцовски теребил мальчишку по светловолосой макушке. Но пацану совсем не нравилось, как с ним обращается лейтенант. Он непослушно вертелся и сжимал маленькие кулачки.

А полицейский выпрямился и достал из кармана форменных брюк коробочку. Потом он что-то высыпал себе на ладонь и взмахнул рукой, а в воздухе сверкнули серебряные огоньки.

«Решил развлечь малыша фокусами», — мелькнула забавная мысль.

Искры выглядели мистически привлекательно. Они мерцали и кружились — пока явственно не проявился шар, размером в человеческий рост.

Первым исчез паренёк. Сделав всего шаг, он скрылся в сверкающих огоньках портала.

Перед тем как последовать за мальчиком, лейтенант оглянулся. Можно ставить сто против одного, смотрел он именно на металлическую балку, за которой прятался Иван.

Полицейский задержал взгляд, потом прощально пожал плечами и скрылся в мареве перехода, оставив после себя мигающие искры магический сферы.

Ещё полчаса назад Иван сомневаясь в своих видениях. И почти уговорил себя не замечать туманных фантомов. Он хотел забыть об Обречённом и мальчишке в шкафу… Но твою мать, куда исчезли полицейские и пацан в очках?!

— Ничего себе вечерок! — восхитился Иван.

Серебряный шар продолжал медленно кружиться.

Ваня приблизился к нему, почему-то вспомнил Лизу и запустил руку в мерцающую сферу.

Пальцы почувствовали неведомую леденящую пустоту и в тоже самое время — нечто безумное, необъятное и интригующее, как таинство рождения!

— Внутри пустота... и бескрайний космос, — прошептал Ваня.

Ему представился великий и загадочный мир. Он ощутил и восторг, и страх, сравнимый с детским знанием, что земной путь человека не вечен. Вращающаяся сфера открывала новую дорогу, которая виделась бесконечной и невероятно опасной…

— Что тебе дома-то не сидится? — усмехнулся Иван и сделал только шаг.

Прошло всего мгновение, и Ваня исчез в искрах таинственного портала.

Глава 3

Ваня чувствовал, что кто-то толкает его в плечо. Этот кто-то лежал рядом и упрямо *будил...*

Он приоткрыл глаз, не понимая, кто толкает его. Вроде, Лиза, а вроде и нет.

Ещё вчера у Лизы были достающие до плеч русые волосы. Волосы были нежные, родные, пахнущие карамелью. Ваня сотни раз поправлял её локоны на подушке и любовался. Но сейчас на него смотрела совершенно другая Лиза.

«Перекрасилась, что ли? И подстриглась? Но зачем так коротко?» — думал Ваня.

Хотя огненно-рыжий цвет был совсем неплох. Ей идёт... Она выглядела как-то особенно горячо и ярко. Свежий образ дарил жажду эмоций.

— Вставай, говорю, — толкнула его девушка.

Ваня зарылся с головой под одеяло и обнял её.

— Ну нет, Иоганн! Ну не сейчас! Мне на службу пора. Вставай!

Она почему-то сопротивлялась. Прелюдия ей не понравилась. А ещё говорила, что пора на службу.

Иван выглянул из-под одеяла.

— На какую ещё службу? И какой я тебе Иоганн? Я что, похож на композитора?

Он присел и опустил ноги на пол.

Подогрев работал отменно. Как приятно ступить на тёплый пол. Но стоп!

Откуда взяться тёплым полам в его «хрущёвке», ремонта в которой не было уже лет сорок? Дом готовят под снос. Реновация и всё такое. Эта квартира — привет из прошлого. Мебель здесь приобреталась только по крайней необходимости. В том году шкаф купили, три года назад кровать. И вдруг подогрев пола?

Ваня осмотрел просторную белую комнату с высокими потолками. Повсюду новая мебель: зеркальный шкаф, широкая кровать с мягкой спинкой, стульчики, коврики. Огромные окна от пола до потолка. Шторы такие нехилые. На стене висели фотографии в серебряных рамках. На двух снимках Ваня заметил себя рядом с Лизой. Над рамками лепестки светильника.

— Что-то не пойму... А где это я? — насторожился Ваня, поглядывая на маленькие светильники.

Один из лепестков весело сверкнул. И Ваня вспомнил серебряный шар в метро.

Тут же ожил образ лейтенанта и мальчика в очках...

— Во сколько я домой пришёл?

— Не смешно, Сми́рнофф... — потянулась девушка, произнося его фамилию как-то по особенному, вроде как не на русский манер.

— Я серьёзно. Где мы? Ты квартиру купила?

— Купила-купила... Ещё три года назад.

Она приподнялась и впилась в него взглядом, как умеет.

— У тебя снова приступ фантазии, Иоганн? Переспал, что ли?

— С кем переспал? — не понял Ваня, подскочив с шёлковой простыни.

Её причёска, тёплый пол, новая мебель, неизвестная квартира — что ещё изменилось? Что произошло после того, как он зашёл в мерцающую сферу?

— Год? Какой сейчас год? — завопил Иван, решив, что оказался в будущем.

— Ну началось! — спрыгнула с кровати девушка. — Каждое утро представление! Что вы за люди такие?

Ваня посмотрел на свои руки и ноги. Вроде всё родное...

— Какие ещё люди?

— Русские! Русские люди, Иоганн!

Девушка нахмурилась.

— Тапки мне принеси. И сделай яичницу. Да поживее, Иоганн!

У Вани отвисла челюсть. Ему запрещали пить «Буратино», не давали курить в туалете, а теперь командуют «да поживее»?

— Ты чего, мать, совсем страх потеряла?

Девушка покачала головой.

— Ты неисправим, Иоганн... И если ты забыл, где кухня — иди за мной.

Накинув лёгкий халат, девушка фыркнула.

Ваня почувствовал её запах.

Он проводил взглядом известное и совсем незнакомое тело, а затем увидел своё отражение в зеркальных дверях шкафа.

Что стало с его причёской? На голове разноцветные перья, наголо сбриты виски; обе брови и верхняя губа во множестве мест пробиты пирсингом и обвешаны колечками. Это просто ужас! А ещё на нём стринги — и почему-то красного цвета. Нитка так врезалась между половинок, что захотелось разорвать трусы в клочья! Иван нахмурился гроздью металлических колец и стянул стринги, оставшись голышом.

— Что за бред? — выбросив трусы куда-то за кровать, возмущался он.

Ваня заглянул в шкаф, обнаружил три полки, заполненные мужскими вещами. В отглаженной стопке нашёл короткие шорты.

В комнату вернулась Лиза.

— Ты на пляж собираешься? — рассмеялась рыжеволосая.

Ваня надел шорты и ужаснулся, потому что обнаружил свастику в круге.

— Это что за фашистская дрянь? — выпучил он глаза. — Ты где это взяла?

— Что это? — не поняла девушка.

— Вот это! — ткнул пальцем в крест Иван.

Ваня яросто вцепился в шорты и снова стал раздеваться.

— Вообще охренели! — бросив шорты на пол, рычал он. — Выброси, чтоб больше не видел!

— Это только солнечный диск... Всего-то...

Ваня сжал кулаки.

— Это фашистские символы! Ты не в курсе?

Лиза присела на кровать и тихо сказала:

— Ты дурак, Иоганн? Ты опять за старое? Может, ещё в партизаны подашься?

Ваня смотрел на себя в зеркало.

Он был весь в каких-то колечках и в идиотских татухах. На руках и плечах все буквы и слова были наколоты в готическом стиле. На груди набита страшная винторогая морда. Если Иван ничего не путал, это был самый настоящий сатанинский козёл.

— Куда я попал? — зарычал Ваня, и почему-то намокли его глаза, — и стало так жутко, что захотелось проснуться, если он спал, или умереть, если уже проснулся.

Лиза положила руку ему на плечо. Затем погладила по щеке.

— Ну что ты, малыш? Успокойся... Уже ничего не изменить. Уже всё случилось...

— Что случилось? — прошептал Ваня.

Лиза покачала головой, рассматривая Ивана как больную собаку.

— Хватит кривляться, Иоганн. Нет, ну правда... Иди, милый, готовь завтрак. Мне на работу пора.

Она встала с кровати, указала пальцем на шкаф.

— Надень спортивки. На них нет свастики. Устроит?

Ваня кивнул. Взял из шкафа какие-то трикотажные штаны.

Свастики на них не было, зато в районе правого кармана был трёхцветный немецкий флаг.

— Нормально? Не бесит тебя? — спросила Лиза.

Ваня снова кивнул.

— Вот и прекрасно... Я в душ, а ты на кухню. Договорились, малыш?

Она вышла из комнаты. Ваня отправился на кухню.

Кухня оказалась вместительней, чем самая большая комната в его «хрущёвке». Всё здесь сверкало. Огромный холодильник, каменная столешница, мойка, ящики, шкафчики, полочки, а серебряные ручки каждым бликом напоминали о волшебном шаре в метро — и о мире, перевернувшимся с ног на голову.

Ваня открыл холодильник. Картофель, лук, морковь и прочие овощи — всяк стручок на своём месте. На верхней полке обнаружил яйца и бекон. Оставалось найти сковороду, растительное масло и лопатку, но вместо этого он включил воду.

Тёплая струя омывала ладони. Ваня брызгал себе на лицо. Минуту он смотрел, как утекает в дырку вода, потом схватил куриные яйца, вскинул руку и потряс не рождёнными курами, словно погремушками, слегка по-испански пританцовывая.

— Она назвала меня Иоганн? Я что… музыкантишка?

Но что делать с завтраком? Ваня осмотрелся.

Мелькнула мудрая мысль, что без телевизора жизнь не имеет смысла. И действительно, как можно существовать человеку без вездесущей рекламы, без королей эстрады и утренних новостей.

На стене нашёлся плоский телек в тонкой серебряной рамке.

Ваня подошёл к нему и зачем-то ткнул попкой яйца в экран.

— Где мой завтрак? — выйдя из ванной, спросила Лиза, но заметив, чем занимается её парень, сказала раздражённо: — Ты со всей дури стулом бей. Как умеешь!

— Да я просто пошутил, — улыбнулся Ваня.

— Включить Второе немецкое телевидение, — скомандовала девушка и вышла из кухни.

— Второе? — изумился Ваня. — Ещё и немецкое?

Экран вспыхнул сияющими огнями сцены и танцующими людьми. Четвёрка молодых певцов: две девушки и двое парней напевали мелодию, напоминающую знаменитый хит группы «АББА» — про деньги.

Телек включался голосом, и было бы неплохо, чтобы борщи и яичницу в этом доме готовила машина-автомат. Всего лишь нужна команда, и из холодильника яйца покатятся сразу на сковороду. Осталось узнать, что говорить кухонному кашевару... Но снова зашла Лиза. И Ваня обомлел. Потому что она выглядела потрясающе!

На ней строгая форма. Чёрный китель смотрелся просто огненно! Юбка была чуть выше колен и будоражила кровь. На плечах кителя золотые плетённые змейкой погоны, на голове чёрная пилотка с белыми вставками, на стройных ножках туфли на каблучках. Были ещё петлицы со скрещёнными костями и черепом. Такая же эмблема и на пилотке.

Лиза приблизилась к Ване. Чем-то она напоминала чёрную мамбу, только в пилотке.

— Ну что... спасибо тебе, Иоганн, за завтрак! Спасибо, любимый, что накормил!

— Пожалуйста... — глотал слюну Ваня.

Ему захотелось сбежать. Навсегда уйти в лес в партизаны или затаиться в метро, пока не вернётся назад его прошлое.

— Подскажи... а где мои ключи от двери? — спросил он осторожно.

— Твои ключи, Иоганн, на дне запрещённого юмора. У тебя ещё сутки домашнего ареста. Помни об этом.

В совокупности с формой, очень похожей на мундир подразделения СС, взгляд Лизаветы казался зловещим... Сейчас она достанет пассатижи, и если Иван скажет, что позабыл о домашнем аресте, то рыжая бестия вырвет ему ногти на руках... и на ногах вырвет тоже.

— Я это… — тихо сказал Ваня и присел на стул. — Я буду ждать тебя дома... И что-нибудь приготовлю...

Лиза пронзительно посмотрела на Ивана. Подошла так близко, что их колени соприкоснулись.

Она прижала ладони к его гладко выбритым щекам и страстно поцеловала в губы.

Непривычно мешал пирсинг, но Ваня с удовольствием ответил, целуя чувственный рот.

— Люблю тебя, несмотря ни на что... — подмигнула девушка, залихватски сдвинув пилотку набок.

Теперь она походила на сытую и чуть пьяную чёрную мамбу.

— И я люблю тебя, — ответил Ваня.

***

Входная дверь закрылась. Автоматически сработал замок...

Иван сидел на кухне и пялился в телевизор.

Шёл концерт. На сцене стоял здоровенный конферансье, за его спиной на большом экране косяком летели журавли.

— Ну дела! — причмокнул Ваня.

Ведущим оказался Арнольд Шварцнегер — тот самый мужик с мышцами и бревном на плече, который голым прилетал из будущего.

— Музыка: Нильса Кристли. Слова: Рафаэля Кольбе. Песня: «Куда летят журавли». Исполняет: народный артист Третьего рейха — Дитер Болен... — объявил престарелый Шварц, а зрительный зал аплодировал стоя.

На сцену вышел мордатый мужчина, которого Ваня знал с детства. Под трогательную мелодию он запел о погибших солдатах и благородных птицах.

— Да ладно! Ну хорош уже! — рассмеялся Иван и отвернулся от экрана.

Он понял, что всё это по-настоящему. Качок Шварц, этот чёртов Дитер, который вроде как топил за Россию...

— Суки! Нашу песню украли! — зло процедил Ваня.

Сделав шаг в серебряный шар, он каким-то фантастическим образом очутился в ином мире. Этот факт не вызывал сомнений.

— Моя Лиза не Лиза, а Шварцнегер не калифорнийский губер... — сказал сам себе Ваня. — И почему Лиза ходит в таком наряде? Чёрная форма, символы с костями... Она служит в СС?

Иван подошёл к зеркалу и стал снимать с лица колечки и бусинки на шпильках. Он освободил брови, губу и уши. Всё богатство высыпал на стол рядом с яйцами и беконом.

— Так будет лучше, — сказал Ваня и отправился исследовать квартиру.

Комнат было три штуки. Одна из них была особенно просторной.

— Здесь в футбол играть можно, — осматривался Иван.

Квартира удивляла размерами, добротностью и особенным колоритом. Всё в ней было красиво и диковинно. В целом жилплощадь понравилась. Но сигарет он так и не нашёл. Жуть как хотелось курить.

Ваня вернулся на кухню.

Аккуратно пробив ножом дырочку в яйце, он посасывал содержимое, а свободной рукой ощупывал плотные шторы, которые прятали от него виды за окном.

Он одёрнул шторину в одну и в другую сторону. Но ничего не вышло.

— Сим-сим, хочу видеть город! — громче обычного произнёс Ваня.

Но шторы не шелохнулись.

Тогда сказал спокойно:

— Открыть окно.

Медленно и плавно каждая из половинок разъехалась по углам. Окно открылось полностью.

Он находился в высотке. Примерно двадцатый этаж.

Справа и слева, и прямо вдалеке за изгибом реки видны сотни высоких зданий в современном стиле минималистичного модернизма. В Москве сейчас стали модными подобные муравейники.

Какие-то дома были выше, какие-то ниже. Внизу, словно кустарники в джунглях, пригрелись торговые комплексы. Все дома и высокие, и коробочки внизу располагались с невероятной точностью.

Между зданиями чёткими линиями пролегали автодороги, соединяясь в кольцевые развязки. Совокупность зданий и стреловидных дорог производили нереальное впечатление математической точности. Но этот порядок казался бездушным, будто жили здесь не люди, а роботы.

Ваня обратил внимание на широкую магистраль.

Бесконечной вереницей машины двигались пять рядов в одну, пять рядов в другую сторону. Машины были всего двух цветов: чёрного или белого. Ехали они синхронно и довольно быстро. Некоторые сворачивали с центральных дорог.

Иван заметил редкий ярко-оранжевый автомобиль, который парковался внизу во дворе. Из машины вышли три человека в синих комбинезонах. Неторопливостью люди напоминали сотрудников службы ЖКХ. Ребята не спешили и знали себе цену.

— В четыреста первой протечка унитаза! Срочно перекройте стояк! — громко сказал Ваня и вдруг ощутил за спиной уже знакомый холод и воздушные колебания.

Воздух дрогнул, раздался хлопок. Ваня обернулся и увидел, как из мутного марева материализовался мужчина. Пришельцем оказался лейтенант Лебедев, только без формы.

— Твою же мать! — вскрикнул Ваня.

А человек, похожий на лейтенанта Лебедева, приветливо сказал:

— Вот мы и встретились. Ну, здравствуй, Иван Смирнов!

Ваня снова присосался к дырочке на яйце и подумал: «Не русский он. И не питерский... Не наш этот блондинчик».

Его волосы были зачёсаны назад. Виски выбриты. Осанка как у военного. Вероятно, всё дело в занятии спортом. Он похож на пловца. Походка лёгкая, небрежная. Глаза пытливые, живые.

— Меня зовут Александр Фогель. Ты, Иван, можешь звать меня просто Алекс.

Ваня продолжал облизывать яйцо и тупо рассматривал человека. Выглядел тот странно.

На нём светлые брюки свободного покроя, лёгкие туфли, свитер с воротничком. В руке он держал тонкие кожаные перчатки. Напоминал Алекс игрока в гольф, который спрыгнул с маленькой электромашинки.

— Понимаю, ты немного шокирован... — сказал Алекс. — Давай присядем.

— Ага... — кивнул Ваня и положил пустое яйцо на стол.

Ещё несколько часов назад город-герой радовал его станцией «Строгино», как вдруг всё изменилось. На его лице появились кольца, куда-то пропала его Москва, а лейтенант Лебедев превратился в Алекса Фогеля… А его Лиза вообще непонятно кто...

Вывод напрашивался сам собой. Возможно, он в таком мире, где русские люди зовутся немецкими именами. Но почему немецкими?

Алекс присел на стул.

— На твоём месте любой растеряется. Но не каждому доступно путешествие в параллельный мир.

— А я в параллельном мире? — щурился Ваня.

— Ну конечно. Именно в параллельном. Шаг за грань — это величайшее из приключений, подвластное только избранным, — улыбнулся Алекс.

Ваня подошёл к окну, посмотрел вниз на оранжевую машину. Почему-то хотелось позвать на помощь мужиков в синих комбинезонах.

— Вы не полицейский, — предположил Ваня.

— Лейтенант Лебедев — это вымышленный персонаж, — подтвердил Алекс. — Дело в том, что русская фамилия Лебедев созвучна с немецкой фамилией Фогель. В русском мире я пользуюсь исключительно русскими именами, а в немецком мире ношу имя, данное мне при рождении.

— Значит, вы немец, — понял Ваня.

— Я немец. Ты русский, — снова улыбнулся Алекс.

— А мальчишка в очках, он кто?

— Мой помощник. Он тоже немец, если тебя это интересует... И ещё тебе нужно запомнить, что твою девушку в немецком мире зовут Эльза Мартенс. Она кармическая сестра-близнец Лизаветы Мартенс из русского мира.

Ваня удивлённо шевельнул бровью, начинал соображать, что к чему.

— Эльза сестра Лизаветы? Значит, и у меня в этом мире тоже есть брат-близнец. Моя копия...

— Кто из вас чья копия, это противоречивый вопрос. Но ты прав... в арийском мире живёт твой кармический близнец Иоганн Смирнофф.

— И всё-таки Смирнофф... А я думал, показалось, — хмыкнул Иван и снова посмотрел в окно. — А город? Что это за город?

— Это бывшая Москва. Ныне город называется Адольфштад, — развёл руки Алекс.

— Не понял... — нахмурился Ваня.

— А давай покажу, — хлопнул перчатками о ладонь Алекс.

Он тоже приблизился к окну.

— Видишь шоссе, Иван?

— Ну...

— А рекламные щиты?

Ваня кивнул.

— А кто изображён вот на том щите, ты видишь? — указал рукой Алекс.

Это было невероятно и в то же время чудовищно, потому что на придорожном щите, где обычно рекламируют парфюмерию, недвижимость, службу в армии или русские кинофильмы, был изображён Адольф Гитлер!

Глава 4

Поджарый старик в военном кителе, вскинув римским салютом руку, приветствовал проезжающих мимо. Его седовласая чёлка была зачёсана назад, а квадратные усики боевито топорщились и были, наверное, главным раздражителем на рекламном щите.

У Вани сдавило в груди. Чуть закружилась голова.

— Это же Адольф Гитлер... — еле пробормотал он. — Это что, розыгрыш какой-то?

Алекс приблизился к включённому телевизору на стене.

— Прочитай, пожалуйста, что здесь написано, — попросил он.

Улыбчивого Дитера Болена сменила мальчиковая группа. Четыре парня в одежде оверсайз что-то пели о первой любви и кое-как танцевали...

— Здесь читай, пожалуйста, — указал пальцем на бегущую строку внизу экрана Алекс.

Строка действительно бежала. Какие-то номера телефонов, какие-то адреса. Но самое невероятное, что увидел Ваня, это буквы.

Он читал сообщения одно за другим. Остановился на поздравлении с днём рождения Франца от Отто и Люси. И совсем не имена смущали Ивана — поражали сами слова, — все они были написаны латинскими буквами и на немецком. Это означало, что Иван говорил, читал и думал на неизвестном ранее немецком.

— Что-то я не пойму, мы в Германии, что ли? И я запросто говорю на немецком?

— Совершенно верно, друг мой. Мы находимся в мире, где во Второй мировой победила Германия... На рекламном щите ты видишь вождя нации Адольфа Гитлера, в телевизоре немецких артистов, а на дорогах безупречные машины и арийский порядок. Мы в Германии, Иван!

Ваня снова покосился вниз на рекламный щит.

Лицо вождя истинных арийцев узнаваемо даже из квартиры на двадцатом этаже.

Седина, усталые глаза и морщины сообщали, что Адольфу далеко за восемьдесят. Его взгляд устремлён в будущее, а вскинутая рука указывает путь гражданам Адольфштадта. Белые и чёрные «Мерседесы» и «БМВ» едут мимо зигующего фюрера, и на секунду показалось, что люди, сидящие в машинах, дружно восклицают: «Хайль Гитлер!»

— Это невероятно! Он что, и сейчас живой? — ощетинился Ваня.

— Фюрер покинул наш мир, — перестал улыбаться Алекс. — Но это неважно...

— Важно, — покачал головой Ваня.

Алекс приблизился к Ивану, положил руку на плечо.

— Ты пойми... Так случается, когда одна страна побеждает другую. Нюрнбергского процесса нет, и красных знамён над рейхстагом тоже никогда не было. А что у нас в сухом остатке?

— Что?

— Хороший вопрос, — похвалил Алекс. — В остатке мы имеем немецкие флаги над разрушенным Кремлём, переименование Москвы и уничтожение Красного миропорядка... А когда нет России-матушки, кто защитит слабых? Ведь некому, правда? Потому вся планета Земля принадлежит исключительно немцам. Вот так-то, Иван... Немецкий мир — это страна арийских победителей.

Ваня почему-то не поверил.

— Да не может быть!

— И тем не менее, — развёл руки Алекс.

— Сигареткой не угостишь? — спросил Ваня.

— На здоровье, — ответил Алекс и положил на стол зажигалку и пачку «Парламента».

Ваня достал сигарету, прикурил.

— А сигаретки-то русские, — подмигнул он.

— Ну как русские... — ответил улыбкой Алекс. — Но в целом да... В Москве купил.

Выпустив облако дыма, Ваня прищурился.

— Что вообще происходит?

Алекс присел и тоже закурил.

— Я учёный. Мои исследования не вписываются в привычные понятия о науке. Но всё-таки я учёный. Боюсь признаться, но это я создал параллельный мир арийского счастья... И найди, пожалуйста, пепельницу. Мы всё же не женщины, чтобы бросать пепел на пол.

Ваня улыбнулся и не стал мудрить. На правах хозяина поставил на стол обычное чайное блюдце.

— Вот скажи мне, учёный... а на кой я тебе сдался?

Алекс пожал плечами.

— Ты, Иван, наделён талантом, в силе которого нам ещё предстоит разобраться. Но я уверен, что вместе мы вырвем страницу прошлого и направим колесо истории в нужную нам сторону. Словно небесные создатели ты и я будем управлять многими мирами. Я в это верю.

Где-то между лопатками пробежал холодок. Ваня вспомнил о знаках, предшествующих путешествию. Например, о Лизе и её национальности... Позволил же русский Бог связаться с немкой!

Она всегда гордилась немецкими корнями и частенько нелицеприятно отзываясь о победителях в той войне. Иван думал, что Лиза просто начиталась в «телеге» разного буржуйского говна, но сегодня утром он видел, как сидит на ней гиперсексуальная форма и эта чёртова пилотка. Только немецкие медики победившего фашизма могут носить такие пугающе сексуальные мундиры со свастикой. И ничего она не начиталась. Она всегда недолюбливала русских. Это в её крови. Просто русским, рождённым непримиримыми интернационалистами, никогда не понять местечковую ненависть европейских обиженок.

— Скажи, Эльза служит в СС? — спросил Ваня.

— Да что ты? Нет, конечно, — улыбнулся Алекс. — Служит она в гражданской клинике. Но в специфической. С историей... А форма — так это дань традиции. Ну и просто красиво... Сам видел.

— Согласен... Это красиво... И я, кажется, понял, — забегал глазами Иван. — В этом мире я настоящий раб!

— С чего ты взял? — поперхнулся Алекс. — В немецком мире нет рабов, есть только люди, у которых чуть меньше прав, чем у подавляющего большинства граждан... Я, например, категорически не поддерживаю фашистскую идеологию. Я скорее антифашист... И вообще, настоящих фанатичных нацистов почти не осталось. Люди арийского мира достаточно образованны и гуманны, чтобы продолжать дело своих отцов. Например, у русских даже есть своя автономия. Пусть небольшая, но своя... И твой близнец Иоганн не в концлагере гниёт, а живёт в Адольфштадте.

— У русских своя автономия? — почему-то испугался Ваня.

— А как же! Русские компактно живут на Урале. В районе бывшего города Пермь.

Ваня кивнул и поинтересовался:

— А Иоганн... он сейчас где?

Алекс затушил сигарету.

— Сложно объяснить. Но с ним всё в порядке, — улыбнулся он и добавил: — Надеюсь, что в порядке.

Алекс достал из кармана телефон и провёл пальцем по экрану.

— Телефончик тоже из русского мира? — спросил Ваня.

— Нет. Это «Грюндик 19 Про». Германский аппарат. Последняя модель, — похвастался Алекс. — Отвлекусь на секунду. Надо в гебсеть зайти.

— Гебсеть. А что такое гебсеть? — приставал Иван.

— Интернет... — ответил Алекс, продолжая быстро водить пальцем.

— Странное название, — затушил сигарету Ваня.

— Ничего странного. Гебсеть — это сеть Геббельса. Интернет арийского мира. А Геббельс — это министр просвещения и пропаганды... Раньше был... Давно уже... Он умер...

Ваня снова потянулся за сигаретой. Было больно принять параллельную реальность.

Алекс оторвался от телефона.

— Не для того ты проделал такой сложный путь, чтобы впадать в уныние. И знай... на этой планете есть много плюсов. И вообще, тебе не приходило на ум, что немцы в твоём мире не сокрушаются, оттого что проиграли войну. Ведь так?

Ваня задумался лишь на секунду:

— Потомки побеждённых немцев не живут в резервации за Полярным кругом. И лицо у них не пробито всякой ерундой... А куда делись миллионы советских людей после победы Германии?

Алекс покачал головой и тяжело вздохнул.

— Вот с этим, конечно, гигантская проблема. Мы проявили невероятную жестокость...

— Немцы уничтожили сотни миллионов?

Алекс кивнул.

— Гораздо больше, Иван. Гораздо! Это страшная страница истории моего народа... Но с другой стороны...

— В каком смысле? — прикурил вторую сигарету Ваня.

— Как думаешь, много ли настоящих мужчин осталось в современной Германии?

Ваня пожал плечами. Алекс продолжил:

— Современные немцы — это лишь пародия на воинственное прошлое. Их мужчинами назвать не повернётся язык. Существа среднего пола. Сплошь извращенцы! Носят женские украшения, размахивают радужными флажками. Они в храмы перестали ходить и женщин любят всё меньше!

— Но ведь не русские сделали их такими, — возразил Ваня.

— Совершенно верно. Это сделали не русские. Это наши заокеанские друзья постарались. Но ведь у них получается, Иван! А они тоже победители в войне.

Ваня был не согласен.

— После того, что натворили немцы, их нужно было всех стерилизовать, как бродячих собак. Но им подарили жизнь. Немцев простили.

Разговор изматывал. Ваня никогда и ни с кем не говорил о политике. Старался отстраняться от споров и неудобных вопросов. Но на Украине шла война. Русские снова сражались с нацизмом. А немцы снова были по ту сторону. И как всякий русский, Ваня ощущал себя обманутым.

Двое его одноклассников ушли на фронт по контракту. Сосед с четвёртого этажа, который был всего на год старше Ивана, ушёл добровольцем. Кто-то брал в руки оружие, другие помогали в тылу, а Ване хотелось проснуться, чтобы всё, наконец-то, закончилось. Пусть другие разгребают завалы истории. Пусть другие сражаются во имя справедливости и за русский мир.

— Отправь меня домой. Зачем я тебе нужен? — тихо сказал Ваня.

Алекс выдержал жалостливый взгляд и ответил честно:

— Всё, что сейчас происходит — реально и по-настоящему. Сделав шаг в серебряный шар, пути назад уже нет. Ты и я должны стать одной командой, Иван. Понимаешь?

Но вдруг зародилась надежда:

— Если русские живут на Урале, то почему я нахожусь здесь? Нестыковочка.

— Потому что Иоганн Смирнофф — умный парень. Он сумел обойти систему. Из русских выходят приличные программисты и виртуозные циркачи. Таков уж русский народ, Иван.

— Мой кармический близнец работает в цирке? Он клоун? — испугался Ваня.

— Почему сразу клоун? Он уборщик.

Ваня потупил взгляд. Его брат в параллельном мире убирал дерьмо за слонами и собаками. Действительно, Иоганн сумел нагнуть систему.

— В этом мире у тебя есть отец. Он живёт в домике у озера. Ты можешь позвонить ему — прямо сейчас. Поговори с ним от имени Иоганна. Разве тебе не хочется услышать голос человека, с которым ты не виделся семнадцать лет?

Его отец умер, когда Ване исполнилось всего десять. Это было так давно и будто вчера...

Он потянулся к блюдцу, чтобы затушить сигарету, и почувствовал головокружение и какую-то пьянящую лёгкость. С ним такое уже случалось. Он знал, что не нужно бояться, а надо дышать спокойно... и закрыть глаза.

Ваня так и сделал... и неудержимо погрузился в видение...

Было лето.

Наверное, утро...

Ваня увидел дом у озера. Дом рубленный, покосившийся, совсем старый... Озеро красивое. К нему от дома убегает тропинка. У берега росли камыши и кувшинки.

На ступеньках крыльца сидел старик. Это был его отец. Он смотрел на деревянный православный крест — всего в десятке шагов от дома. Это была могила матери Иоганна. Ваня прочитал имя на табличке, прибитой к кресту, и почувствовал жжение, а потом соль. Это были слёзы. Но не его. И даже не слёзы отца. Это слёзы Иоганна... Его кармический брат жил невероятной и какой-то животной ненавистью. Ненависть — это стимул существовать в мире врагов, — и нечеловеческое желание мстить.

Но вдруг всё закончилось.

Ваня открыл глаза...

— У тебя было видение? Что ты видел, Иван? — быстро спросил Алекс.

— Нечего... — не хотел рассказывать Ваня.

— Я серьёзно. Куда унесли тебя видения?

— Дом... Я видел старый дом и своего отца...

Про могилу матери и звериную ненависть, которая пожирала Иоганна, он говорить не стал.

— Послушай меня, Иван, — сказал Алекс вкрадчиво.

Ваня поднял глаза.

— Помнишь оранжевую машину?

— Да...

— Это транспорт монтажников.

— Я здесь причём? — отходил от фантомов Ваня.

— Этот дом напичкан электроникой. Сегодня ночью, когда произошёл твой переход, вышли из строя видеокамеры и противопожарные датчики, — сообщил Алекс и показал свой новенький телефон Грюндик. — А ещё начались проблемы с гебсетью. Видимо, погорело оборудование. Сигнал слабый...

— Я что, против? Пусть люди работают. Мешать не стану.

— Тебе станут мешать... Если происходит подобный сбой, то на место аварии приезжают агенты службы надзора. Их можно назвать отделом полиции по кибербезопасности. Они зайдут в каждую квартиру, чтобы опросить жильцов. Таковы правила. Служба работает без изюминки, но чётко следует протоколу.

Ваня кивнул.

— Немецкая педантичность. Знаю.

— Совершенно верно, Иван, — подтвердил Алекс. — Ты обязан открыть им дверь и ответить на простые вопросы.

— Я пошлю всех к чёрту! — ухмыльнулся Ваня.

— Не пошлёшь. Нельзя, — строго сказал Алекс. — Ты должен поговорить с агентом надзора. Ты справишься. Отвечай односложно: никого не видел, ничего не знаю. И запомни, твоё имя — Иоганн Смирнофф.

— Всё-таки Иоганн, — нахмурился Ваня. — Ты собираешься уходить?

— Мне пора. Но я скоро вернусь.

Делать нечего. Придётся подчиниться.

— Сигареты оставь, — попросил Ваня.

Алекс кивнул и достал из кармана вторую пачку и бросил её на стол.

— Эти будешь курить. Самые популярные сигареты в немецком мире.

— «Френд», — прочитал Ваня. — Наверное, фигня какая-то...

— Не фигня. Одобрено Имперским минздравом, — сказал Алекс и собрал из блюдца все окурки, сложив их в пакетик. — Сигареты из русского мира должны вернуться домой. Таков порядок.

Теперь кивнул Ваня. Немцы всегда всё делают правильно. Если сказали, что перебьют всех русских — они всех и перебили.

— И знаешь, Иван, ты реже кури. А то Эльзе очень не нравится, когда ты дымишь в квартире.

Миры разные, а люди одинаковые. Особенно немецкие люди. Всё у них по протоколу.

— Когда мы увидимся? — спросил Ваня.

— Скоро, — ответил Алекс и, взмахнув рукой, построил портал.

Ваня почувствовал, как снова дрогнул воздух.

Он заметил чуть мутный эллипс почти двухметровой высоты.

— С агентами будь сдержан, Иван. Отвечай только «да» или «нет». И не зли их, — напоследок сказал Алекс и, сделав шаг, исчез в мареве мистического перехода.

***

Ваня вскрыл новую пачку и закурил.

Мыслей было так много, что можно сойти с ума.

Потом он долго смотрел в окно...

Москва стала неузнаваема. Ничего не осталось от прежнего города. Это теперь и вовсе не Москва.

Ваня заметил две белые машины с синей полосой на борту и красно-синими маячками на крыше. Они припарковались рядом с оранжевым фургоном монтажников.

Из машин вышли четверо мужчин в строгих костюмах.

— По мою душу, — понял Иван.

Двое агентов надзора приступили к опросу жителей во дворе, двое зашли в подъезд.

— В каждую дверь долбиться будете? Работы здесь до утра, — наблюдал в окно Ваня.

Агенты беседовали с пожилой парой и мамашами с детьми. Опрос был недолгим и закончился вскидыванием правой руки.

— Зигуют, суки! — процедил Ваня. — Эти падлы чуть что машут руками... Обломал бы под корень!

Ваня затянулся и вдруг услышал, как открывается входная дверь.

Он так и стоял по пояс голый, в спортивках и с сигаретой, когда на кухню зашла Эльза Мартенс.

Форма на ней сидела идеально. Чуть расставив ноги, девушка строго рассматривала своего русского парня.

— Ты где сигареты взял, Иоганн? — спросила Эльза. — Я же сказала, чтобы не выходил из дома!

— Это заначка, — смотрел ей прямо в глаза Ваня. — Я прячу от тебя сигареты. А когда ты на службе, я хожу по всем комнатам и постоянно курю!

Девушка улыбнулась и сняла пилотку.

— Так и запишем... неисправим, — сказала она и присела. — В нашем доме агенты надзора. Не за тобой ли пришли, мой любимый? Ты ничего не натворил?

— К сожалению, ничего, — развёл руки Ваня.

«Да какого чёрта я должен терпеть!» — подумал он и приблизился к Эльзе.

Военно-медицинская форма заводила. Обтягивающая юбка, приталенный китель, прошитая вставками пилотка пробуждали что-то первобытное в его душе. И не только в душе.

— Хочу тебя! — хрипло, как-то по-звериному прорычал Иван.

Он потянул её за руку, чтобы поднять со стула, но она упрямилась.

— Встать! — приказал Иван.

Эльза послушно поднялась.

— Повернись!

Она повернулась лицом к столу и воткнула руки в столешницу.

— Ноги раздвинь!

Эльза чуть расставила свои стройные ножки.

— Шире! Я сказал, ноги раздвинь! — заорал Ваня и бросил недокуренную сигарету в блюдце.

Он встал сзади, задрал юбку и разорвал прямо на ней кружевное бельё.

— Нельзя, Иоганн... Сейчас в дверь позвонят агенты... — застонала Эльза, когда Ваня провёл рукой между ног.

— Пусть звонят! Или ты хочешь, чтобы я открыл ментам и предложил им тебя? — зло спросил он и вошёл в неё.

— Да-а-а... — ещё громче застонала Эльза.

— Хочешь меня? — рычал Иван.

— Хочу! — тоже зарычала Эльза.

Никогда прежде Ваня не видел Лизу такой бесстыдной. И никогда прежде он сам не был таким напористым, жестоким и грязным...

Он закончил...

Она тоже...

Ваня взял сигарету и закурил.

— Люблю тебя, мой русский медвежонок, — прошептала Эльза.

А Ваня, не выходя из образа, твёрдо заявил:

— Буду курить, когда и где вздумается! Это тебе понятно?

Эльза лежала животом на столе, приходя в себя.

— Размечтался... Курить вредно, — выпрямилась она и стала снимать форму на ходу. — Я в душ. Не проспи агентов, Иоганн.

Ваня смотрел ей вслед. Рыжая ему нравилась больше прежней Лизы. И дело вовсе не в форме.

Она вышла из ванной в своём коротком халатике.

Зайдя на кухню, присела на стул и закурила.

— Ты тоже куришь? — удивился Ваня.

Эльза покачала головой.

— И не только, — ответила она. — Ещё трахаюсь с одним чокнутым русским.

Ваня присел рядом и спросил:

— Напомни, за что я отбываю домашний арест.

Эльза впилась взглядом в него.

— У тебя снова проблемы?

— Какие ещё проблемы?

— С памятью...

Пришлось согласиться и кивнуть. Возможно, Иоганн действительно забывался время от времени.

— Ты рассказал своему дружку электрику Дретману бородатый анекдот. А он тебя сдал полиции крови.

Иоганн служил в цирке. Считался парнем рисковым, способным как на глупости, так и на подвиги.

Цирковые его любили и ненавидели: кто-то плевал ему вслед, иные даже завидовали.

Две недели назад после вечернего представления он задержался на работе и немного выпил со штатным электриком Дретманом. Когда пришло время расходиться, Иоганн рассказал анекдот: про то, как русский, немец и еврей оказались на необитаемом острове.

Электрик смеялся как сумасшедший, а утром настучал в полицию крови, потому что анекдоты про евреев запрещены.

За подобное правонарушение строго не карали: назначали штраф и давали от трёх до пятнадцати суток домашнего ареста. Иоганну дали почти по максимуму.

Он добросовестно чалился в четырёх стенах. А вот с Дретманом случилась неприятность: сдохли все его аквариумные рыбки, и прижучила внеплановая проверка, обнаружив недостачу казённого инструмента. За подозрения в халатности и растрате электрик был отстранён от работы, и возбуждено уголовное дело. Но к маленькой мести Иоганн был почти непричастен…

Услышав рассказ о преступлении и наказании, Ваня улыбнулся.

— Значит, встретились как-то немец, русский и еврей… — решил пошутить он.

— Вот именно: русский и еврей. Встретились и пора расходиться. Можешь не продолжать. И запомни, анекдоты про иудеев запрещены! Не нарушай правила, Иоганн. Я всегда прошу тебя об одном и том же.

— Немцы запретили анекдоты? Или евреи закончились?

Эльза округлила глаза. Она негодовала.

— Ты с ума сошёл? Забыл, что твои соплеменники натворили?

— И что же мы такого сделали?

— Концлагеря. Печи. Миллионы замученных... Вы устроили геноцид. Русским никогда не отмыться после этого. Ты забыл, как русские уничтожили целый народ? Иоганн, мне не нравится, когда ты прикидываешь идиотом!

Ваня всё понял. Доказывать, кто уничтожил миллионы людей — бесполезно. Его упрямая фройлян, если что-то вдолбила себе в голову, то не вытащить и клещами.

Глава 5

Если в арийском мире есть интернет, то должны быть и гаджеты. Пришло время разузнать всю правду о германской планете.

Ваня искал телефон Иоганна Смирноффа.

— Что-то потерял? — спросила Эльза, заметив, что её медвежонок растерянно бродит по квартире.

— Телефон ищу. Мне в гебсеть зайти надо. Надеюсь, это не запрещено?

Эльза удивлённо посмотрела на Ваню.

— Как твой телефон связан с посещением гебсети?

— А что с моим телефоном не так? — не понял Ваня.

— Издеваешься? Он, кстати, на тумбочке в спальне. Как обычно. Это его привычное место, — указала рукой на вход в спальню девушка.

Ваня быстро нашёл аппарат.

Если у Алекса был Грюндик последней модели, то у Иоганна бабушкин Нокиа с большими кнопками. Он так и назывался Нокиа — просто, сука, Нокиа! Такой мобилой можно только орехи колоть.

— Ну что за дела-то? — возмущался Ваня, зайдя на кухню. — Какого хрена у меня такое говно?

Он чувствовал себя обделённым рабом! Даже телефона нормального нет!

Девушка присела и закурила.

— А что ты хотел? Возможности твоего аккаунта ограничены. Аккаунт под арестом, Иоганн. Но не переживай, скоро ограничения снимут, и ты получишь свой телефон обратно. А пока пользуйся вот этим самым говном.

Ваня прищурился.

— Это из-за электрика Дретмана?

— Из-за драки с жонглёром Мерцем.

— С кем я подрался? С Мерцем? — усмехнулся Ваня.

— С жонглёром Мерцем, — повторила девушка и выпустила тонкую струю дыма в направлении своего забывчивого, но невероятно драчливого парня.

— Да ну на ладно... — тоже присел Ваня. — Надо же... Я набил морду Мерцу? Хорошо хоть не Меркель...

Эльза негромко рассмеялась. Она не знала, кто такая Меркель.

— Набил? Если б набил, с тебя шкуру сняли!

— Шкуру? — испугался Ваня.

— Это образное выражение! — снова рассмеялась Эльза. — Страшнее ссылки в Парму-Рус ничего тебе не сделают.

Ваня улыбнулся. Кожу с него сдирать не будут. Уже хорошо.

— И всё-таки... Как мне в гебсеть зайти? — осторожно поинтересовался Ваня.

— А очень хочется? — иронично спросила девушка.

— Ну да... Прилично так хочется.

Она встала, взяла с полки пепельницу, затушила сигарету.

— У нас в доме что-то со связью. А лист мой в выдвижном ящике тумбочки. На своём привычном месте. Бери. Пользуйся. Мой аккаунт не ограничен.

Ваня кивнул. Эльза продолжила:

— И на будущее... Блюдца портить не нужно. У нас есть пепельница.

Через минуту Ваня вернулся на кухню с планшетом компании Грюндик. Листом оказался гаджет в серебряной рамке с прозрачным экраном. Наверное, это была дорогая вещь.

Ваня нажал кнопку разблокировки, и на экране появилось изображение.

Иоганн и Эльза прижимались друг к другу щеками и улыбались во весь рот. На снимке были влюбленные молодые люди. Кто из них русский, кто нерусский — непонятно.

— Смотрю, ты кольца с лица снял, — обняла его сзади Эльза.

Ваня подумал, что пирсинг — это тоже часть экзекуции над русским человеком.

— А их нужно обязательно носить?

— Да-нет, конечно...

Эльза обошла Ваню, заглянула ему в глаза.

— Без этих дурацких колец ты стал другим.

— Легковесным стал? — пошутил Ваня.

Девушка покачала головой.

— У тебя глаза изменились. Они стали добрее... И мужественнее, что ли...

Ваня ничего не успел ответить, потому что затрезвонил дверной звонок.

— Это агенты пришли, — поправила халатик Эльза. — Сама открою.

Высокий агент в тёмно-синем костюме переступил порог. В руке у него был включённый телефон.

«След от портала ищет, — подумал Ваня. — Хотя вряд ли. Просто идентифицирует личности».

— Меня зовут агент Майер. Представьтесь, пожалуйста.

— Эльза Мартенс, — первой ответила девушка. — Это моя квартира.

— Я знаю, — улыбнулся агент и посмотрел на Ваню. — Ваше имя, пожалуйста?

— Иоганн Смирнофф.

Эльза заискивающе рассмеялась:

— Это мой друг. Мой жених! Три года: всё жених и жених!

Агент снова улыбнулся, но, взглянув на Ивана, стал вмиг серьёзен.

— Вы под домашним арестом, Иоганн?

— День остался. Отбываю наказание… Исправляюсь, — кивнул Ваня.

— Вы сегодня выходили из квартиры? Ничего странного не заметили?

— Не заметил, — замотал головой Ваня. — Потому что не выходил.

— Может быть, слышали что-нибудь? В окно что-то видели?

— Не слышал. Я книгу читал. Просвещался.

Агент напрягся.

— Какую книгу вы читали, Иоганн? — подозрительно спросил сыщик.

Эльза сложила руки на груди, спасая себя и болтливого парня.

— Иоганн любитель истории. Труды Фюрера перечитывает. Сегодня читал воспоминания Германа Геринга. Помните его письмо Эрнсту Рёму? Пронзительные слова, не правда ли? Хотите книгу принесу?

Агент покачал головой.

— Как вы сказали? Ваше имя Эльза Мецлер?

— Эльза Мартенс, — поправила его девушка и вскинула подбородок. — Я работаю в клинике доктора Менгеле. Я психолог высшей категории. Секретность первого уровня. И чистота моей крови не подвергается сомнению, агент Майер! Ваши уловки неуместны!

— Извините... Это усталость... Дом просто огромен, — широко улыбнулся агент.

Эльза еле заметно кивнула, прощая его.

Тогда агент выключил телефон.

— Ещё раз прошу простить меня, господа... К вашим услугам, фройляйн! Будьте здоровы, Иоганн Смирнофф... — вдруг он вытянулся в струнку и вскинул руку. — Слава Германии!

Он так звонко щёлкнул каблуками, что показалось, будто на нём начищенные до блеска сапоги.

Агент развернулся через левое плечо и вышел из квартиры.

Дверь закрылась на замок автоматически.

Ваня смотрел на Эльзу. Эльза тревожно рассматривала Ивана.

Название клиники, в которой служила Эльза Мартенс, повергла в шок. Доктор Менгеле был известен Ивану как «ангел смерти». И в этой, так сказать, больничке трудится рыжеволосая подружка? Теперь ясно, откуда на петлицах и чёртовой пилотке череп с костями. Как говорится: гестапо не курорт.

— Иоганн, куда тебя несёт? Ты зачем про книги болтаешь? — спросила девушка, возвращая Ивана в реальность.

Она закусила губу. Не находила слов, чтобы выразить весь ужас. Хотя перед агентом надзора Эльза держалась молодцом. Не допустила ни малейшего промаха, даже заставила извиниться. Но её парень? Зачем он заговорил о книгах? Неужели случилось то, о чём предупреждал Иоганн?

— Ты забыл, что не все книги можно читать? Ты не помнишь, какие книги хранятся в нашем доме? А если он начнёт искать? Вызовет полицию и начнёт?

— Да быть такого не может, чтобы книжки нельзя читать в собственном доме, — не верил Ваня.

Эльза покачала головой. Он думает, что с ним шутки шутят.

— За Бертольда Брехта, Шекспира или Достоевского — десять лет лагерей дадут! Я ещё кое-как выкручусь. А ты? Ты хочешь испортить мою и свою жизнь?

Нацисты в тридцатых годах двадцатого века устраивали шабаш, сжигая тысячи книг. Факельные шествия. Горящие костры. Марширующие штурмовики. Всё это было до войны с Советским Союзом... Потом они сжигали в печах людей. А здесь бумага...

— Лиза, как можно запретить читать книги? — спросил Ваня и не заметил, как перешёл на русский.

Человеческий мозг — это компьютер. В стрессовой ситуации произошла синхронизации, и Ваня теперь знал в совершенстве два языка: немецкий и русский.

Эльза услышала язык врага и поняла только одно слово — «Лиза»...

Сколько бед и несчастий принесли русские дикари трудолюбивым и терпеливым немцам? А этот парень, похожий на её любимого Иоганна, без запинки что-то шепчет на русском.

Она закрыла лицо руками и села на стул.

— Я не Лиза. Моё имя — Эльза, — всхлипнула она.

Она почему-то заплакала. А женские слёзы всегда работают, как корабельный насос, высасывая все жизненные соки из неравнодушных мужчин.

Ваня обнял её и тихо сказал:

— Прости ты меня...

***

Случилось обновление. Ваня заново вспомнил русский язык.

Первое — он мог начать предложение на немецком, а закончить на великом и могучем. Все краски, мудрёные пируэты русской речи, включая сквернословие, ничуть не мешали германской логике.

Второе — бытовые детали из жизни Иоганна всплыли в его сознание. Иван вспомнил, как включать духовку, как пользоваться ванной, для чего нужны гаджеты и в каком районе Адольфштадта он проживает.

Ваня чистил зубы, понимая, что это не просто гигиеническая процедура.

Кто бы мог подумать, что обыкновенная зубная щётка следит за кариесом. И кому, как не пронырливому чистильщику знать о проблемах полости рта.

Волокна щётки были снабжены специальными сенсорами для обнаружения малейших повреждений, а найдя проблему, появлялась надпись на небольшом экране... Профилактика здоровья завораживала изобретательностью.

Например, настенный диспенсер — аппарат, заправленный жидким мылом, оказался удивительно толковым терапевтом. От прикосновения к кнопке безымянным пальцем в ладонь впрыскивалось мыло и производился забор крови. Анализ выявлял вирусные заболевания, предупреждая о воспалительных процессах. А далее можно воспользоваться приложением и записаться к врачу.

Ваня, наконец-то, зашёл в гебсеть.

Листая страницу за страницей, он изучал мир параллельной реальности. В прямом смысле реальность оказалась параллельной и фантастической.

Главные новости в поисковике были посвящены строительству марсианской колонии. Это невероятно, но на Марсе уже семь лет во всю трудились роботы, создавая форпост для будущих колонистов.

— Вот тебе и Илон Маск, — бормотал Ваня. — Фашисты даже круче нашего «Роскосмоса»! Ну надо же, какие умные суки!

В начале двадцать первого столетия межпланетная станция под названием «Адольф-3» высадилась на Марсе. Два марсохода: Фёдор и Ганс — несколько лет бороздили поверхность планеты. За последние годы марсианская колония выросла до размеров деревни и ожидала прибытия первых космонавтов. Старт транспорта с людьми несколько раз откладывался. Но тем не менее, колония росла, и перспективы высадки человека на Марс были огромны и впечатляющи.

Затем Ваня изучил политическую карту арийского мира.

Континенты, моря и океаны никуда не уплыли и не провалились в земные трещины. Вот только привычных государственных границ не было, как ни ищи. Все границы, разделяющие страны, стёрты. Существовала одна-единственная держава — это Германия.

Материалы о разнообразии народов Земли были скудными и явно недостоверными.

Куда-то исчезли все китайцы. Нет упоминания об индусах и арабах. Негроидная раса была признана неполноценной. Негры проживали в Африке под управлением специальной полицейской миссии и использовались исключительно на сельскохозяйственных работах. Чернокожим не доверяли даже добычу полезных ископаемых.

По отрывкам путаной информации Ваня выяснил, что все европейские народы после Большой Войны стали именоваться немцами. Иван прочитал статью, в которой подробно разъяснялось происхождение различных этносов от древней арийской семьи. Получалось, что все люди планеты — братья и сёстры, рождённые когда-то одной арийской матерью. Потому сотни миллионов сменили национальности, имена и фамилии, присягнув новой державе... Вместе с книгами немцы сожгли и прошлое. И теперь на горе пепла отстроили свой исключительный мир, с заоблачной космонавтикой и передовой медициной.

Русские проживали на территории бывшего Пермского края. Официальное название — Федеральная Земля Парма-Рус, с населением в триста тысяч душ... В тех краях, где-то возле маленького озера, доживал свой век отец Иоганна. Информацию об Александре Петровиче Смирноффе найти не удалось.

Но Ваня нашёл публикации о странах Северной Америки.

На территории бывших Соединённых Штатов в январе 1943-го произошла оранжевая революция роз. Прежние элиты были уничтожены, и к власти пришли выходцы из Германии.

Без кровопролития и немыслимых разрушений народ победившей демократии присоединился к арийской империи, подчинившись Берлину. Но возникли некоторые сложности с индейцами и негроидной расой, но эта проблема решилась со временем и ожидаемо жестоко и прагматично.

О народах Латинской Америки информация отсутствовала полностью. Зато повсюду мелькала навязчивая реклама, приглашающая посетить речные круизы по Амазонке, Нилу и реке Амур.

Ваня заинтересовался предложением прогуляться по дорожкам Великой Германской стены, отстроенной древними арийцами. Благородного вида крепостной вал с башенками в готическом стиле завлекал к себе туристов со всей неметчины... Это было невероятное путешествие! Немецкая стена вдоль горной цепи Иньшань… Просто с ума сойти можно!

***

Наступил вечер. Ваня и Эльза пили кофе на кухне.

— В квартире есть книги? — поинтересовался Ваня.

— Да, — ответила Эльза.

— Мы их прячем? — наконец-то выключил лист Иван.

— В обувной коробке. В шкафу спальни, — ответила Эльза; она не сводила с Ивана глаз; этот парень ей нравился всё сильнее.

Ваня откатил зеркальную дверь. Нашёл нишу, заставленную туфельками и сапожками. В нижнем углу обнаружил хорошо припрятанную коробку.

Столько шума и волнений из-за трёх книг? В коробке лежали потрёпанное издание Уильяма Шекспира, тонкая брошюра со стихами Бертольда Брехта и «Преступление и наказание» Достоевского.

— Негусто, — улыбнулся Ваня.

— Эти книги вне закона... Но, полагаю, всё же неправильно запрещать литературу, — опустила взгляд Эльза.

— Я тоже так думаю, — кивнул Иван.

Русский писатель, английский поэт и немецкий драматург, взявшись за руки через века, прятались в обувной коробке среди кроссовок и форменных туфлей Эльзы Мартенс. В просвещённой Германии, покорившей Марс и зубной кариес, не нашлось места классикам мировой литературы — оттого что голос из прошлого не вписывался в арийскую реальность.

— Давай спать, Иоганн, — загрустила Эльза, наблюдая, как удивлённо разглядывает книги этот русский. — Завтра суббота… Завтра день Памяти Павших. Я познакомлю тебя с традициями моей страны. Они разочаруют тебя, но не забудутся никогда. Это я обещаю.

***

1943 год. Альпийские горы. Австрия.

Александра Фогеля и его друга Карла Ланге многие принимали за братьев.

Оба светловолосые, оба стройные, молодые; рост выше среднего. В одежде парни придерживались одного стиля. Классические брюки, светлые рубашки, тёмные свитера, идеальные туфли.

Лицо Алекса было аристократичным. Прямой нос, глубоко посаженные глаза, испытывающий взгляд. Лицо Карла слегка отмечено рытвинами, оставшимися после гормонально-юношеского взросления. Он умел широко улыбаться. Мог выглядеть не по возрасту строго и представительно.

Александр Фогель возглавлял команду учёных проекта «Пророк», но именно Карл считал себя главным виновником произошедшего. Потому что первым предложил изменить ход истории. Он допустил создание временно́й петли и настаивал, чтобы Алекс сгенерировал поток энергии, перенеся сознание на два года назад.

Идея Карла звучала несбыточно смело. Говоря простым языком, Карл предлагал отправиться в прошлое. Он уверял, что скоро завершит создание мистического устройства под названием «часы», которое в синтезе с талантом Фогеля позволит исправить ошибки.

Карл обладал незаурядной памятью и феноменальным умом. Но из пяти медиумов программы «Пророк» только Алекс мог видеть глубокое будущее. Дар явился ему с рождения и с

каждым годом только усиливался. Но распознать увиденное Фогель мог не всегда. И лучший преподаватель и подсказчик — это его собственный опыт.

***

1930 год. Потсдам. Город, где родился Александр Фогель.

Алексу было пятнадцать лет. Проживал он с родителями в небольшом городе.

Однажды утром юный Фогель почувствовал нестерпимую боль в голове и горечь на губах... Ему приснился кошмар. Горело неизвестное строение, рядом был водоём городского парка, а вдали у сосен пожарные несли на носилках обезображенный труп.

Сон был странный, путанный, но призывающий к действию. А ещё была боль, которая заставляла бежать из дома.

Алекс даже не завтракал. Боль и тревога продолжали напоминать о себе, отправив на поиски фантомов. Он точно знал, что в это утро нужно оказаться на берегу у причала и ждать.

Он торопился в городской парк.

В глубине парка находилась игровая зона платных развлечений. Там были огромные качели в виде древней ладьи с головой дракона и несколько каруселей. Далее, за сувенирной лавкой и летним кафе, освежало горожан средних размеров озеро... Дальний берег казался диким. На ближней стороне была набережная с тремя причалившими катамаранами и пятью вёсельными лодками.

То утро выдалось пасмурным. Надвигающаяся непогода отпугивала отдыхающих. Только несколько детских сорвиголов гоняли на велосипедах по узким тропинкам, да парочка молодых влюблённых, не обращая внимания на прохладу, скрывалась от неминуемого дождя под ветвями широкоплечего дуба.

Глава 6

Алекс купил в кассе часовой абонемент на прокат катамарана. Время аренды с девяти до десяти утра. Он спрятал билет в карман и присел к воде...

За какие-то мгновения на озеро опустился туман. Облачная пелена густо плыла над самой гладью и старательно скрывала дальний берег.

Алекс боролся с желанием, всё бросить к чертям. Но боль заставляла всматриваться в непроглядную пелену. Приступ был готов отступить, но только после того, когда парень включит свой дар и распознает ниспосланные знаки... И Алекс напряг своё воображение...

Два десятка стариков прогуливались на ухоженной лужайке. Три пары ходили, взявшись за руки, кто-то отдыхал в кресле-качалке, другие сидели на лавочке и играли — то ли в шахматы, то ли в карты... Все старики виделись Алексу в некой дымке. Его фантомы всегда являлись в мистической завесе. Чёткого изображения не было никогда.

Двигались старики медленно, словно нехотя. Лиц было не разобрать. Алекс не мог понять — он видит призраков или ещё живых людей?

Тогда решил подобраться ближе.

Скинув верёвку с крюка, запрыгнул в катамаран и отправился в путь.

Но, отплыв от берега всего на пару метров, потерял ориентиры, словно ему закрыли глаза и закружили. Он заблудился на просторах маленького озера, будто пересекал океан.

Перестав крутить педали, Алекс вслушался в гул, принесённый ветром, оттого что начинался дождь.

Падающие капли заливали лицо. Вот уже намокла рубашка. Вода добралась и до брюк. Следующей жертвой дождя неминуемо станут ботинки... Алекс снова всмотрелся в туман. И попытка пробиться сквозь пелену увенчалась успехом. Он снова увидел фантомы.

Двухэтажный дом из бруса пылал изнутри, вовсе не пугаясь вездесущего дождя. Но дом стоял в том месте, где его попросту не может быть. Дальний берег озера принадлежал только лесу. Там даже водились олени и встречались кабанчики, но никогда не было здания, горевшего так, словно его облили керосином.

Зарево освещало поляну, на которой только что прогуливались старики. Все пожилые люди куда-то исчезли, оставив в одиночестве кресла-качалки и стол с разбросанными шахматными фигурами. Фантомы стариков растворились, будто дождь смыл свежие краски с холста.

Алекс снова стал крутить педали.

С каждым гребком видение становилось всё расплывчатей, потому что даже у фантома есть свой срок годности. И только талантливый медиум сможет в остатках мистического видения найти смысл, разгадав который, откроется истинная значимость снов.

Слабые, еле слышимые голоса смешались с шумом стихии и казались эхом. С каждым поворотом гребных винтов голоса слышались всё громче, пока не превратились в страшные стоны.

Алекс не видел людей, только слышал удушливый хрип, словно из коверкающего звук сломанного граммофона. И тут он понял, что старики никуда не исчезли, они попали в ловушку! А дом, в котором им уготовано умереть, находится в другом месте города. Но где этот дом?

А что, если позвать на помощь и закричать? Закричать громко, пугая велосипедистов на берегу и любовников под старым дубом.

А может, надо расслабиться и забыть страдающих стариков?

Но Алекс не мог позволить себе такую роскошь. Он давно усвоил урок: видения никогда не приходят без причины. Если открылось что-то необъяснимое и пугающее до боли, значит, необходимо вмешаться.

Видение — это новое задание, его головоломка, которую должно решить. Необходимо действовать немедленно, чтобы распознать знаки. Александр Фогель верил, что космическая карма подмечает лишь особенных людей и награждает их способностями не ради игры.

Но вдруг что-то произошло... Звонкий выстрел разорвал пелену...

Алекс заметил пронзающий, яркий луч, бьющий из хмурого неба. Наконечниками тысяч блистательных стрел луч пробился к нему и нашёл именно его. Но Вселенная не убивала Алека, она благодарила его за отзывчивое сердце, за желание помочь и терпение. Луч вознаградил избавлением от боли и превратил юношу в уникальную личность... Пройдя через миллионы нейронов мозга, вселенская искра проникла в самое сердце. И казалось, что в эту секунду плёнка тончайшего внеземного металла обволакивает благородной фольгой его душу, превращая мальчика во взрослого и невероятно сильного мужчину.

Прикоснувшись к космической истине, произошло нежданное исцеление, избавив Алекса от боли раз и навсегда. Боль и тошнота, сопровождавшие, сколько он помнил себя, отступили, проиграв битву на озере.

Алекс вздохнул полной грудью и услышал колокольный звон — так тревожно кричит начищенный до блеска колокольчик в пожарной службе. И юный Фогель понял, где случится пожар.

Бревенчатое здание — это дом престарелых на другом конце города, и если поторопиться, то можно успеть спасти стариков.

Он устремился к берегу.

Причалил и побежал.

На узкой тропинке встретил мальчишку на велосипеде. Тот гнал точно ему навстречу.

Алекс замахал руками, остановив сорванца.

— Мне нужен твой велик! Дай его мне! — закричал он, зная, что мальчишка расстроиться, но что значат мальчишечьи слёзы в сравнении с муками стариков.

— Это мой! — завопил пацан. — Не отдам!

— Дай сюда! — зло хрипел Алекс. — Там люди горят! Их надо спасти!

Мальчик почти поверил и отцепился своими тощими руками от руля.

— Где горят? Кто горит? — спросил он.

Алекс, не задумываясь, ответил.

— Старики. В доме престарелых, за восточным рынком!

Тогда мальчик кивнул.

— Только ты вернись. Я буду ждать!

— Обязательно вернусь, — пообещал Алекс и запрыгнул на велосипед.

Он крутил педали и мчался в пожарную часть, чтобы предупредить о трагедии.

Ветер нарастал. Бил в лицо каплями воды и песка.

Алекс поднял глаза и увидел, что сейчас ливанёт. Он даже не понял, как снова провалился в видение, потому что больше не было боли.

В небе трещинами мелькали молнии, и одна из них, самая меткая и злая, ударила в пышную макушку старого дуба — того самого дуба, под которым, обняв друг друга, прятались влюблённые.

Гигантской силы разряд расщепил нерушимый ствол вечного древа. Покоряясь судьбе и силе небесного удара, дуб накренился и, со вздохом скрепя, будто древний корабль, повалился наземь. Ещё какое-то время дерево качалось, как на волнах, ломая под тяжестью собственные ветви — и, наконец, умирая, дуб рухнул, придавив влюблённых расколотым надвое стволом.

Алекс остановился.

Такой яркой картинки ещё не было никогда. Молния, поверженный дуб и влюблённые под стволом — были реальны, будто он видел это собственными глазами... И тогда родилась

идея, которая ещё пять минут назад была обречена на провал. Алекс зажмурился и, пробуждая воображение, приблизил взор к поваленному дереву... И это невероятно, но у него получилось! Луч одарил его новой способностью — силой желания видеть будущее!

Его взгляд устремился в кудрявую крону.

Словно призрак Алекс пробирался сквозь ветви и листья, пока не добрался до тел несчастных.

Ствол дуба придавил и парня, и совсем юную фройляйн — не давая шанса вырваться из жёстких объятий. Алекс нырнул под толстую ветвь и близко увидел её глаза. В этих глазах не было страха или разочарования. Девчонка не успела испугаться. Она умерла сразу. А парень ещё боролся... Ловя новые ощущения восторга и ужаса, Алекс слышал, что шептали губы парня перед тем, как уйти вслед за ней: «Ирма… Ирма, — стонал слабый голос. — Это я, Фило… Ты где? Отзовись, милая…»

Девчонка ничего не ответила. Ей было уже всё равно. А вот огню, подбирающемуся к её вьющимся волосам, очень хотелось порезвиться и поджарить кого-нибудь. Ствол дерева уже занялся, и оставалось лишь наблюдать, как заживо горит человек.

Предательский дождь, который мог бы спасти от мучительной гибели парня, хлёстко шлёпал по листве, но лил он где-то там наверху, совсем не борясь с огнём.

— Они не должны умереть, — сказал сам себе Алекс. — Я спасу и стариков, и влюблённых!

Развернувшись, он помчался к дубу. Ехать было всего минуту и главное не свалиться с двухколёсной машины, потому что намокла трава и появилась скользкая грязь...

Ирма и Фило совсем нескромно обнимались. Он целовал её в губы. Она трогала его ниже пояса. Юный Фогель почувствовал на своих губах солоноватый вкус взволнованной девичьей кожи; в животе поднялась волна возбуждения, исходящая от Фило.

Алекс резко затормозил, оставляя задним колесом глубокий след. Не слезая с велосипеда, он отчаянно закричал:

— Фило, ты предатель! Ты обещал моей сестре, что женишься на ней! Ты подарил вчера ей кольцо! А сейчас целуешься с этой? — брызгал слюной юный медиум. — Ирма, он и тебя обманет! Знай это! А когда я вырасту, Фило, то член тебе отрежу!

Алекс рванул с места, не дожидаясь ответа. Обернувшись лишь на миг, заметил, как Ирма влепила сочную пощёчину. Потом она что-то кричала. Но это уже было неважно, потому что Ирма бежала прочь от дуба, а за ней бежал Фило...

***

Невысокого роста пожарный капитан с квадратным лицом и совиными бровями выслушал историю взволнованного юноши. Он пыхтел в усы редкой лихости и абсолютно не верил Алексу.

Ему хотелось прилечь в комнате отдыха и раскурить трубку с товарищами. А ещё дождь, который вот-вот начнётся, заставлял не слушать детские фантазии... Да и парень какой-то странный. Вроде бы взрослый, а плетёт невесть что. Разных шутников повидал на своём веку пожарный, потому и не верил салаге.

— Это твой аппарат? — спросил он, скрутив колечком одну половину залихватского уса.

— Нет, это чужой велосипед. Я его украл. Вернее, взял напрокат, чтобы успеть к вам, — ответил Алекс.

— Понятно… Стало быть, украл, — скрутил вторую половинку шикарных усов пожарный. — Как твоё имя, парень?

— Александр Фогель. Я живу на улице Блюменштрассе, дом 8. Вы должны знать моего отца. Он работает в сапожной мастерской, а на крыше нашего дома есть голубятня. Вы помните голубятню?

Пожарный кашлянул в кулак, постучал толстым пальцем по исцарапанному рулю велосипеда.

— Голуби, говоришь… Ну да, я знаю твоего отца.

Не мог сын сапожника Фогеля быть дурачком.

Потому он задал ещё один вопрос:

— Сынок, ты часом не врёшь?

— Они все умрут, если вы не поможете, — смотрел печальными глазами Алекс. — Спасите стариков. Пожалуйста!

Здоровяк прищурился и, наконец-то, решился:

— Ну, смотри, пацан!

Капитан пожарной команды огромными шагами отправился к тому самому колокольчику, отголоски которого Алекс слышал, сидя на катамаране.

На призывный звон к машине, надевая на ходу каски, сбежалось шестеро готовых к бою человек.

— Торопись, парень, наш грузовик куда быстрее твоего велосипеда! — крикнул капитан, вскочив на подножку автомобиля.

Фогель запрыгнул на велик и помчался мимо гуляющих по городу людей.

Уже через несколько минут пожарная машина нагнала его, но парень хорошо знал потсдамские закутки.

Он выбрал кратчайший путь к бревенчатому зданию и, петляя по узеньким переулкам, подъехал к пансиону почти одновременно с пожарной машиной.

Перед домом никого. Все старики были внутри двухэтажного строения. Наверное, пожилые люди отдыхали.

Задымления или открытых очагов горения не наблюдалось.

Усатый капитан ловко спрыгнул с подножки и направился прямиком к Алексу.

— Думаешь, нам нечем заняться? Где пожар?

— Пожар внутри дома, — не сдавался Алекс.

— Ну, если врёшь… — рыкнул усатый, направившись к дому.

Входная дверь оказалась открыта. Капитан нехотя прошёл внутрь.

Не прошло и минуты, как усатый выскочил из здания и громко отдал приказ подчинённым.

Одни пожарные тянули рукав, другие подсоединили шланг к бочке, крепившейся на машине, третьи качали воду ручным насосом.

Совсем дряхлый старик, разум которого граничил с безумием, зачем-то зажёг керосиновый примус. Возможно, пожилой господин кипятил воду, но всё вышло не так, как он пожелал... Горящий примус упал со стола, керосин вытек из колбы и вспыхнул. И если бы не пожарные, то дом через какие-то минуты был объят огнём полностью. Выбраться из здания не было ни единого шанса, потому что окна первого этажа зарешечены, а пожар отрезал проход к дверям.

Это был несчастный случай. Подобная неудача могла произойти с любым из жильцов пансиона. Винить немощного старика, заплатившего за свою ошибку жизнью, — всё равно что обвинять младенца в ночном недержании.

Пожарные быстро справились с огнём. Они нашли только одно бездыханное тело невезучего деда.

Это огромное везение, что город отделался малой жертвой, но откуда парнишка по имени Алекс мог знать о пожаре?

«Из парня с таким чутьём может выйти отличный пожарный», — подумал капитан, ловя широким лицом капли дождя.

Алекс мчался по пустеющим улицам и думал, как ему повезло. Никто не сравнится с ним. Ни у кого нет таких способностей. А он может всё! Сегодня он спас стариков, а завтра... Что будет завтра? Какие приключения ожидают его, какое знание откроется ему через день, через два? Вся жизнь впереди — светлая, счастливая жизнь!

Он буквально влетел на скользкую тропинку, ведущую к озеру. Крутил педали, пока не остановился возле того места, где расстался с мальчишкой. Но пацана здесь не было.

Тогда Алекс посмотрел на тот самый дуб.

— Ну нет! — выкрикнул он, потому что под дубом увидел мальчишку.

Алекс посмотрел на небо и понял, что с минуты на минуту произойдёт непоправимое. Молния ударит в дуб, а дальше...

Он снова крутил педали, но не успел. Раздался гром, а потом ударила молния, и дуб рухнул, как и было предначертано для него.

Алекс бросил велосипед и с разбегу прыгнул в самую гущу низвергнутого великана.

— Эй, пацан, ты где? — надрывно вопил он. — Ты где, не молчи! Отзовись!

Но в ответ слышался лишь хруст веток под проседающим многотонным стволом и щёлкающий треск безжалостного огня, который вот-вот охватит всё древо.

Времени на раздумье не было. Необходимо найти мальчишку и вытащить его, иначе… иначе смерть заберёт детскую душу.

Алекс только что спас дом стариков, так неужели не получится спасти ещё одного человека? А если мальчик погибнет, то это только его вина. Ведь именно юный медиум заставил парнишку остаться в парке, возомнив из себя миссию!

— Ну ты где, малыш? — раздвигая ветви, повторял снова и снова Алекс.

— Я не малыш… И я здесь... — послышался голос. — Мне ногу веткой придавило. Самому не выбраться.

Разрывая свою одежду, Алекс пробирался в самый центр гигантского дуба. Листья лезли в лицо, мешали ветки, но он всё-таки увидел мальчика и крепко схватил его за руку.

— Больно мне! — закричал пацан. — Моя нога!

— Всё будет хорошо. Я тебя вытащу. Понял?

— Ты не врёшь? Ты точно поможешь? — не по-детски спокойно спросил мальчик.

— Конечно, помогу, — твёрдо ответил Алекс. — Меня зовут Александр! А как твоё имя?

— Меня зовут Карл... Меня зовут Карл Ланге...

***

Гебсеть арийской планеты и Википедия американского мира — близнецы-братья! Оба источника врут и не краснеют!

Читая исторические труды немецких летописцев, Ваня получил сокрушительный интеллектуальный хук в правое и левое полушарие сразу. Выдумки, высосанные из пальца, дарили пищу для размышлений и топили в море волнительных впечатлений капли правды о русском мире. Тонуть было занимательно, поскольку перипетии арийского счастья завораживали складной ложью.

Ровно в 8:00 прозвенел будильник. Привычно ощутив пятками тепло, Ваня пошлёпал в ванную.

Медицинский аппарат в уборной сообщил, что его зубы на месте, печень не шалит, а голова воспринимает информацию максимально спокойно.

Телевизор на кухне эмоционально вещал о знаменательном дне, добавляя каплю абсурда на причёсанный берег вранья. Неподготовленному русскому можно сойти с ума, глядя на это ошеломляющее чудо.

Речь шла о памятнике погибшим солдатам, возвышающемся на стодвадцатиметровую высоту в самом центре Адольфштадта, — это не считая основания в виде расколотой надвое пятиугольной звезды. У Ивана захватывало дух от размера мифологической лжи, извергаемой

этим самым мемориалом. Величие монумента, его значение, даже знающего историю Ваню, заставляли усомниться, а был ли победный май в сорок пятом?

Глава 7

Рядовой вермахта держит кудрявую девочку на руках. Взгляд солдата устремлён вдаль, а девочка восхищается своим спасителем...

Эльза и Ваня сегодня проснулись непривычно рано.

Ваня смотрел телевизор, гоняя вилкой по тарелке одинокую оливку. Ягода сопротивлялась. Она убегала, не желая быть переваренной русским желудком.

Такое приходится наблюдать нечасто. Все знают, что телевизор — злой ящик, но сегодня ложь оказалась редкостной, неприличной и эпохальной. Нет предела человеческим возможностям и нет предела человеческой подлости... Ведущий по имени Валдис рассказывал зрителям, с каким абсолютным злом справился Третий рейх, остановив красную чуму...

— Знаешь, где находится Пантеон Погибшим героям? — спросила Эльза.

Ваня нацелился на оливку и наконец-то пронзил её вилкой.

— На Красной площади. В центре Москвы, — ответил он и понял, что его раскусили, как ту самую несчастную ягодку; хотя его раскусили ещё вчера, и ему остаётся сдерживать себя или сбежать. Но бежать некуда. Остаётся терпеть и ждать Алекса.

— Нет никакой Красной площади. От русской столицы ничего не осталось, — сообщила девушка.

Ваня поднял глаза.

— Алекс сказал, что Адольфштадт — это бывшая Москва.

Эльза покачала головой. Она не знала, кто такой Алекс, но в школе по истории у неё были отличные оценки.

— Москву затопили, взорвав два водохранилища. Я забыла, как они называются.

— Наверное, Истринское и Химкинское...

— Возможно... В общем, сначала затопили, а спустя годы, когда вода ушла, город сровняли с землей. Адольфштадт построен северо-восточнее бывшей Москвы... Примерно...

— Значит, ты живёшь в Мытищах, — понял Ваня.

— Где? — не расслышала русское слово Эльза.

Ваня улыбнулся.

— Это сложно объяснить.

Он пил кофе с молоком. Любопытно знать, кто собирает кофейные зёрна и кто перерабатывает их, чтобы сделать этот чудесный напиток? Наверное, чёрные рабы.

— Сегодня я смогу выйти из дома? — спросил Ваня.

Девушка кивнула:

— Иоганн прощён. Можешь выходить, куда вздумается.

Ваня закурил сигарету «Френд».

— Расскажи о Пантеоне Погибших.

Эльза не сводила с Ивана глаз. Этот русский производил на неё какое-то магическое впечатление. Он был настолько загадочен и душевен, что она чувствовала тепло на расстоянии. Во всей Германской империи нет такого второго человека. Возможно, такие люди живут только в Парме-Рус на Урале. Но она там никогда не была и вряд ли когда будет.

— Маленькая девочка на груди солдата, — сказала Эльза. — Это так трогательно, так проникновенно... Малышка прижимается и умоляет спасти от «красных варваров». Глаза её заплаканы. Ручки дрожат. Одна ладошка на его плече, второй она теребит пуговичку на гимнастёрке. А бронзовый солдат суров и неприступен. Взгляд пехотинца устремлён на восток, в логово орков. Он обнимает маленькую еврейскую девочку, приклад оружия приставлен к кованому сапогу. На голове солдата шлем. На груди Железный крест!

— Да-а-а… впечатляет! — кивнул Ваня.

Эльза пояснила.

— Это строки из моего школьного сочинения. Я написала это в десять лет. А бронзовому солдату уже больше шестидесяти... Сколько же бронзы потрачено на памятник? Хочешь увидеть его?

— Хочу, — кивнул Иван.

***

Иоганн предупреждал Эльзу: когда он заговорит на русском, то колючие слова будут означать только одно: пришёл человек из другого мира. Из какого другого — ему неизвестно, но замена произойдёт обязательно.

Он говорил о своём переселении вдумчиво и обречённо. В его словах не было страданий, только вера, что замена непременно случится, как неизбежен закат или второе пришествие Спасителя. Казалось, Иоганн жаждет поскорее встретиться с человеком из ночных видений.

Но Эльза не верила его предсказаниям. Она и сейчас сомневалась. Чудес не бывает — так учили её. Истинный ариец — хозяин своей судьбы, и всё решает только он сам.

А что происходит сейчас?

Куда пропал её парень, и кто рядом с ней?

***

Время к полудню. Они шли по улице.

Новый знакомый, словно боясь потеряться, держал Эльзу за руку и не отпускал.

— Красная площадь в Москве красивая? — спросила девушка.

— Там стоит церковь с конфетными куполами, — ответил Ваня. — Ещё мавзолей есть и карусели... Ну и сам кремль, конечно... Люди со всего мира приезжают в столицу. Особенно много китайцев.

— Китайцев? — удивилась девушка. — А кто правит твоей страной? Коммунисты?

Ваня улыбнулся.

— Капиталисты! — негромко рассмеялся он.

Эльза на мгновение представила сказочный город, в котором толстосумы в цилиндрах и сигарами продают азиатам билеты на карусели с коняшками.

— Советский Союз — самая большая страна на земле, — сказала Эльза.

— Нет больше Союза. Его отравили, и он умер, — прошептал Ваня, понимая, что Эльза ему не верит.

Площадь бурлила людьми. Все чего-то ждали, к чему-то готовились. Тысячи горожан: взрослые и совсем маленькие строились специальным порядком, образуя широкий проход к памятнику бронзового солдата. А памятник действительно был впечатляющ. Он был огромен! Наверное, выше Родины-матери в Волгограде.

«Все готовятся к параду или к шествию», — подумал Ваня, видя, как организованно ровняются люди.

Эльза крепко схватила Ивана за руку.

— Ничего у меня не спрашивай. Молчи и повторяй за мной.

Без подсказки разобраться в происходящем невозможно.

Площадь за минуту превратилась в армейский плац. Мужчины, женщины, дети и старики, безусловно, являясь людьми гражданскими, выстроились в ровные шеренги.

Эльза стояла справа от Ивана, слева старушка за семьдесят, впереди девочка: руки её плотно прижаты по швам, ноги вместе, носки врозь; рыжая голова вздёрнута, как по команде «смирно».

Ваня повернулся к Эльзе и тут же получил шлепок по пятой точке, означающий: замри, дубина!

Сложно поверить, но совсем незнакомые люди выстроились, как по линейке, будто день за днём тренировались с самого детства.

«Сейчас запоют!» — вспомнил Ваня волка из мультика.

В любом другом месте он расхохотался бы обязательно, но, стоя в строю взволнованных арийцев, сдержался.

Взгляды немцев устремлены вверх.

Ваня тоже посмотрел в сентябрьское небо.

Солнце спряталось за тощими облаками, ветер дул тёплый. Погода была прекрасная. Сейчас бы за город на шашлык и махнуть за воротник.

Но вдруг послышалось тиканье часов. Звук раскатистым эхом заполнил площадь, размеренно выбивая ритм. Толпа замерла, ожидая развязки.

Потом раздался трубный гул невидимого оркестра, и комок подкатил к горлу. Удушье сдавило грудь, словно Иван оказался в чуждой толпе, а на плахе готовили топор, чтобы четвертовать именно его.

Люди наполнили лёгкие воздухом, готовясь выкрикнуть страшные слова.

Откуда-то сверху прогремел мобилизующий зов из старого радиоприёмника со скрипом и помехами. Адским эхом голос взывал к собравшимся на площади людям:

— Зи-ик… — разлетались слова.

Толпа выдыхала:

— Хайль…

И снова голос рвал русский сентябрь, и трижды толпа отвечала ему.

— Зи-ик…

— Хайль…

Вскинутые руки в порыве любви и преданности превратили отточенные шеренги в подобие противотанковых ежей. Ваня кинул взгляд на Эльзу... Прекрасная девушка кричала вместе с ликующими арийцами. Троекратный клич встревожил осенний покой и, как показалось, разозлил древнюю столицу.

Поверженная Москва услышала чудовищные звуки, беззвучно ахнула и заволокла небо густыми облаками, спрятав от людей солнце.

У Ивана закружилась голова. Его затошнило. Он мог открыть рот и выблевать ненависть вместе с оливкой прямо на голову девочке впереди, потому что она тоже вскидывала салютом руку и кричала.

Нацистское приветствие заставило вспомнить прабабушку Лену, которая рассказывала о родных, погибших от зверства германца. Она иногда плакала. Но казалось, что ей всегда тяжело. А Ваня, жалея бабулю, делился всем, что у него было. Ванька складывал на её колени свои любимые игрушки: потрёпанного медведя или пластмассового индейца со сломанной рукой — и уговаривал: «Ба, не плачь», — а сам тянул ручки и прижимался к ней... Старушка принимала подарки от внука, целовала Ванюшу и улыбалась.

Ваня наклонился к Эльзе, нарушая идеальный строй, когда миллиарды немцев ждут волшебного слова фюрера.

— Вот это, сука, цирк! — прошептал он по-русски.

— Заткнись и встань на место! — зашипела Эльза.

Ваня завертелся, не отдавая отсчёт, где находится и что происходит с ним.

— Я домой пойду, — сказал он. — Не хочешь со мной, оставайся с этими уродами…

Немцы из ровного строя косились на взбунтовавшегося человека. Некоторые укоризненно мотали головой, другие игнорировали непристойное поведение, а рыжая девочка, которую Ваня пощадил, обернулась и приструнила молодого человека:

— Как вам не стыдно? Замолчите сейчас же! Никакого почтения к героям! — поучала она.

— Мордочка у тебя как у Греты Тунберг, — усмехнулся Иван, потому что девочка была копией одной активистки из Швеции.

Колючими глазками девочки вцепилась в Ивана. Она не поняла, что бормочет неадекватный господин, но слова, произнесённые им, разбудили в её душе страх. Слова звучали резко, агрессивно!

— Повторите, что вы сказали! — потребовала она.

— Я ничего не говорил, — натянул улыбку Ваня. — Не отвлекайся, сейчас ты увидишь солдат. У нас ведь лучшая армия в мире. Правда?

— У немцев нет армии, — процедила девочка. — Зачем Германии солдаты? С кем нам воевать?

— Как это нет армии? А это кто? — указал за спину ребёнка Иван.

Девочка обернулась. Она стояла в третьей шеренге и хорошо видела, что дорога пуста — впрочем, как и всегда. Никто из живых не марширует на площади по субботам. Только павшие герои в невидимом строю уходят в небо. А люди должны вспоминать их и не вести себя, как идиоты!

Девчонка зажмурилась, вытянула тонкий, как стрела, палец и заорала, что было сил в худеньком, но очень живом организме.

— Этот человек говорит по-русски! — закричала она. — Вызовите полицию! Этот человек говорит по-русски!

Увидеть живого русского, знающего родной язык, сродни встрече с диким медведем где-нибудь в метро Адольфштадта. Откуда русскому взяться в Адольфштадте? Все русские живут в Парме-Рус на Урале.

Никто не сдвинулся с места, никто не позвал полицию. Только пожилая фрау с арийской выдержкой успокоила ребёнка.

— Милая моя... Последнего русского я видела, когда была такой же юной, как ты. Этот человек не дикарь, он настоящий немец. Посмотри, какой он красивый! — сказала старушка; она повернулась к Ивану и развратно показала потрескавшийся язык.

«Вот ты коза старая!» — подумал Ваня и тоже показал старухе язык.

Заиграли первые ноты гимна. Старуха облизнулась, а девочка отвернулась и через мгновение запела, позабыв о русском, которого просто не может быть.

Эльза не вмешивалась, потому что знала — ребёнку никто не поверит.

Она взяла Ивана за руку, чувствуя животное притяжение к загадочному парню. Его добрые глаза, умеющие удивляться ум и бесконечно волнующая тайна, кто он и откуда, будили в ней неведомое настроение. Она влюблялась всё безысходнее. Сердце подсказывало — счастье рядом; к нему можно прикоснуться прямо сейчас.

Потом мелодия гимна стихла. Живая масса пришла в движение.

На прощанье девчонка посмотрела на Ваню, но промолчала.

— Пошли, Грета, — сказала ей какая-то женщина и потянула ребёнка в толпу.

Эльза и Ваня сплелись пальцами, не замечая никого вокруг.

— В твоём мире не поют гимны? — спросила она.

— Ещё как поют, — улыбнулся Ваня. — На Новый год всей страной поём. На хоккее поём.

— Новый год? — удивилась Эльза. — А что такое хоккей?

— Новый год — это праздник после католического Рождества. А хоккей — это вид спорта. Знаешь, что такое спорт?

— Знаю. Только немцам не с кем соревноваться. У немцев нет армии, нет спорта. У немцев только физкультура. В моём мире нет врагов и нет соперников, — пожала плечами девушка. — А Новый год у нас не празднуют. И Рождество тоже.

— Как же вы живёте? Наверное, скучно?

— Зато мы умеем петь гимны, — рассмеялась Эльза и повела Ваню за собой.

Площадь опустела. Казалось, что во всём городе остались только он, она и бронзовый солдат с кудрявой малышкой на руках.

— Остановитесь и предъявите документы! — послышался голос за спиной.

Два оберштурмфюрера службы безопасности словно выросли из-под земли. Оба в чёрной форме, оба с оружием. Один стоял поодаль, положив ладонь на кобуру. Второй ждал ответа.

Эльза расстегнула маленькую сумку, извлекая удостоверение медработника института доктора Менгеле. Ваня знал, что документы Иоганна находятся во внутреннем кармане. Он распахнул куртку, достал паспорт.

Удостоверение Эльзы Мартенс вернулось к хозяйке, а вот паспорт Иоганна отправился в карман стража порядка.

— Пройдёте с нами, — приказал оберштурмфюрер. — Это не займёт много времени. А к Вам, — обратился он к Эльзе, — претензий нет. Вы можете быть свободны.

Второй полицейский обошёл Ивана сзади, замкнув наручники на запястьях.

Ваня и не думал сопротивляться. Он вообще не привык, чтобы его хватали и тащили куда-то. За свои двадцать семь лет у него ни разу не требовали на улице паспорт. Никогда ни один полицейский Москвы или области, или другого города не требовал предъявить документы. А здесь сразу металлические кольца и под ручки в отделение. Хорошо, если в отделение, а то и на расстрел оттащат… Или в газовую камеру с окном над дверью, чтобы подсматривать, как мучается голый русский.

Такой расклад Ивана не устраивал. А может, всё-таки сбежать? Но куда?

А может, лучше перезагрузиться… Как в компьютерной игре…

***

Эльза и Ваня сегодня проснулись непривычно рано.

Ваня смотрел телевизор, гоняя вилкой по тарелке одинокую оливку. Ягода сопротивлялась. Она убегала, не желая быть переваренной русским желудком.

— Знаешь, где находится Пантеон Погибшим героям? — спросила Эльза.

Ваня нацелился на оливку, наконец-то пронзив её вилкой, и понял, что только что видел своё будущее. Его схватили люди в форме, надели наручники...

— Я кое-что знаю о Пантеоне. Там бронзовый солдат с ребёнком на руках и играет гимн, — кивнул Ваня. — Ещё знаю, что ты написала в сочинении, когда тебе было 10 лет, — хотя ты никогда мне об этом не рассказывала.

— Как интересно, — закурила Эльза. Ей действительно было интересно, поскольку она работала психологом.

— Уверен, ты догадываешься, что с нами происходит. Иоганн предупреждал тебя.

Эльза кивнула.

— Иоганн говорил, что пришедший русский может видеть будущее и избегать ошибок... Скажи, ты сейчас что-то видел?

— Я видел нашу прогулку.

— И?

— Меня забрали в полицию. Я вёл себя как идиот.

Эльза улыбнулась.

Иоганн тоже не жаловал памятник пехотинцу. Каждую субботу — потому что каждую субботу Германская империя вспоминала павших — его невозможно было разбудить. Он напивался в пятницу, чтобы не вставать по субботам. А Эльза всегда поддерживала компанию. Они пили по пятницам, всю ночь трахались и крепко спали по субботам. Эльза почему-то тоже не любила гулять у Пантеона Погибшим... И почему-то она любила этих бешеных русских...

***

За час до начала торжества они вышли из дома.

Из-за худенькой тучки светило солнце. Дул сентябрьский ветерок. Погода была прекрасная. Ваня держал Эльзу за руку.

Он предложил провести сегодняшний день особенно и настоял купить «огненной воды» с закуской и отпраздновать субботу дома — с размахом и по-человечьи.

Короче, нажраться и поболтать…

Они зашли в магазин. Напитки Иван выбирал сам.

Ваня держал поллитровку с прозрачной жидкостью внутри. Эльза покосилась на этикетку.

— Белый шнапс. Знаменитый сорокаградусный немецкий напиток, — разъяснила она.

Он понимающе кивнул, и бутылка водки упала на дно тележки.

Затем Ваня потянулся к угловатой бутылке.

— Шнапс заокеанский, — оповестила девушка. — Исконно немецкий напиток и тоже сорокаградусный.

Иван прислушался к голосу разума и приземлил литрушечку вискаря в корзину.

Название напитка чайного цвета в следующей бутылке: пузатой и с длинным горлышком — Ваня определил сам.

— Это знаменитый виноградный шнапс. Напиток исконно немецкий и невероятно древний, как сам арийский народ, — обнюхал пробку Иван и заключил: — И тоже сорокаградусный. Как говорится, коньяк он и в Германии коньяк!

Эльза улыбнулась.

А Ваня поставил бутылку обратно на полку.

— Коньяк будет лишним, — пояснил он. — Лучше пива возьмём.

Продвигаясь к кассе, они прихватили с собой килограмм баварских колбасок, хрустящий хлеб, большой кусок сыра, свежие огурцы, помидоры в бумажном конверте, а также несколько бутылок «колы» — естественно тоже немецкой.

Последней покупкой оказались самые настоящие пельмени из морозильника. Килограммовая упаковка шлёпнулась в корзину надписью вверх — «Пельмени мюнхенские. Нам триста пятьдесят лет».

— Охуеть можно! — негромко по-русски восхитился арийской наглостью Иван.

***

Ваня нарезал колбасы и сыра. В холодильнике нашлись красные яблоки, гроздь винограда и целый лимон.

Негромко играла музыка, горели три свечи. Они пили белый шнапс.

Ваня удивлял Эльзу каждую минуту. Он рассказывал анекдоты, говорил тосты, желал ей всего самого доброго и постоянно целовал. Он много смеялся и опять целовал — то ручки, то щёчки, то губы. Эльза думала, что прошлый Иоганн был неугомонный, но этот русский оказался просто каким-то ураганом.

Эльза рассказала ему, что немецкие мужчины любят выпить, а женщины, тем более юные фройляйн, к которым себя причисляла она, выпивают только пиво или пару фужеров красного вина. Но сегодня был особенный день. Людям из разных миров было о чём поговорить.

Эльза пила часто. У неё и прежде был хороший учитель. Иоганн был профессионалом — особенного в употреблении белого шнапса.

Она задавала вопросы. Её интересовало и что-то грандиозное, и нечто совсем простенькое. Эльза спрашивала, во сколько лет люди из Ваниного мира уходят на пенсию и что едят на завтрак. Ещё её интересовало, какого размера шпильки на туфлях модниц и где можно отдохнуть летом.

Ваня отвечал правдиво и живописно, проявляя чудеса красноречия, и никогда не забывал о полноте рюмок и бокалов.

Белый шнапс быстро закончился, а слова лились будто песня.

Ваня рассказал, что чисто теоретически он любит отдыхать в Турции. А ещё он был в Египте и во Вьетнаме.

Эльза смеялась и не верила. Потому что нет никаких Турций и Вьетнамов.

Ваня тоже хохотал. Потом он целовал её губы и пообещал отвезти Эльзу к Чёрному морю. Предлагал ей выбор: Сочи, Анапа или Крым? Эльза выбрала непонятную Анапу, и Ваня снова стал хохотать как сумасшедший...

Его рассказы казались фантастикой. Чурчхела, шашлык, жареные кузнечики, армяне, арабы, американцы, японцы и какие-то тайцы — всё казалось вымыслом. На берегах арийского счастья не существовало турецких отелей с весёлыми аниматорами, нет экзотического Таиланда и Вьетнама — и нет вьетнамцев и кубинцев; нет старушки Европы, с капризной Прагой и жгучей Барселоной, — и нет заокеанской хоккейной команды Канады. Нет даже немецкой «футбольной машины». Немцам не с кем гонять мяч на травке. У Германии нет врагов и нет друзей. Они одни в целом мире.

Эльза пила много.

Ваня пил ещё больше.

Он пригласил девушку на танец.

Они обнялись и поцеловались. А затем упали на постель.

Ваня снял с неё одежду, а Эльза, улетая в мягкие облака, подумала: «Прощай, Иоганн Смирнофф… И здравствуй, мой новый мир...»

Глава 8

Засыпая, никогда не знаю, где проснусь и проснусь ли вообще. Помоги мне, господи, помоги... Дай сил жить в уме и в здравии. Спаси и сохрани меня, господи… Спаси и сохрани…

Такую молитву мысленно читал перед сном Иоганн Смирнофф.

Он робел перед будущим и просил не о конкретной помощи, а заклинал только об одном, чтобы всё решилось и как можно скорее.

Прочитав молитву, Иоганн разжимал кулаки, успокаивался и засыпал.

Его никто не учил молиться. Он никогда не слышал языка своих предков. Его родители говорили на русском только шёпотом. Говорить вслух запрещено законом...

Но Иоганн верил — эти слова были честными. Верил, что это именно русская молитва, только на немецком языке. Молитва короткая, и в ней всего несколько предложений, придуманных им самим. И если это послание услышат фашистские падлы, то не поймут, что он просит у Бога. Его молитву знают лишь двое во всей Вселенной: он и Бог Всемогущий.

***

Русская Москва. Лабиринты метро.

Иоганн спал в одной постели с Эльзой. Но что-то произошло. И он очнулся в незнакомом месте.

Возможно, это заброшенная шахта или подвал. Сейчас окажется, что где-то в стене найдётся секретная дверь; она со скрипом откроется, послышатся стоны и звон кандалов. А возможно, наоборот, блеснёт спасительный луч, и Иоганн встретит свободу и долгожданный РУССКИЙ МИР.

Но Иоганн увидел человека.

Он был молод. Взгляд его любопытный, озорной, немного рассеянный. На парне вязанная шапка, куртка, широкие штаны и кроссовки.

— Ты пришёл за мной? — спросил Иоганн по-немецки.

Незнакомец ответил по-русски:

— Я здесь, чтобы помочь тебе. Топай за мной, братишка.

Уже не единожды Иоганн видел, что ожидает его в будущем. И видение сбылось. Вселенная услышала его и отправила подальше от заносчивых победителей, в ту страну, где ему будет уютно, — к таким же, как он, русским людям.

Он идёт за парнем с фонариком в руке.

Это метро.

Под ногами рельсы и шпалы...

Иоганн почему-то любил гулять по залам Адольфштадского метрополитена. На стенах немецкой подземки красовались барельефы кайзеров, бюсты первооткрывателей германских земель и профили выдающихся учёных. Вдоль мраморных стен стояли всевозможные скульптуры мудрейших вождей арийской нации, а из динамиков в холле слышны голоса. Эти голоса, как бесконечные заклинания, бодрят пассажиров. Чаще это тихая музыка, иногда стихи. Но у Иоганна были свои кумиры, а разум его велик и всесилен.

Когда он ехал в вагоне, то закрывал глаза и созерцал волшебный мир потерянных братьев, и видел бегущие вверх лестничные пролёты и залы мягкого света. Он видел русское метро, вернее, московское. И даже знал некоторые станции. Ему нравилась станция «Сокольники», — и чёрт знает, что это значило.

— Я отвезу тебя домой, — сказал встречающий парень. — Будь добр, достань из кармана паспорт, прочти своё имя и адрес твоего проживания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.